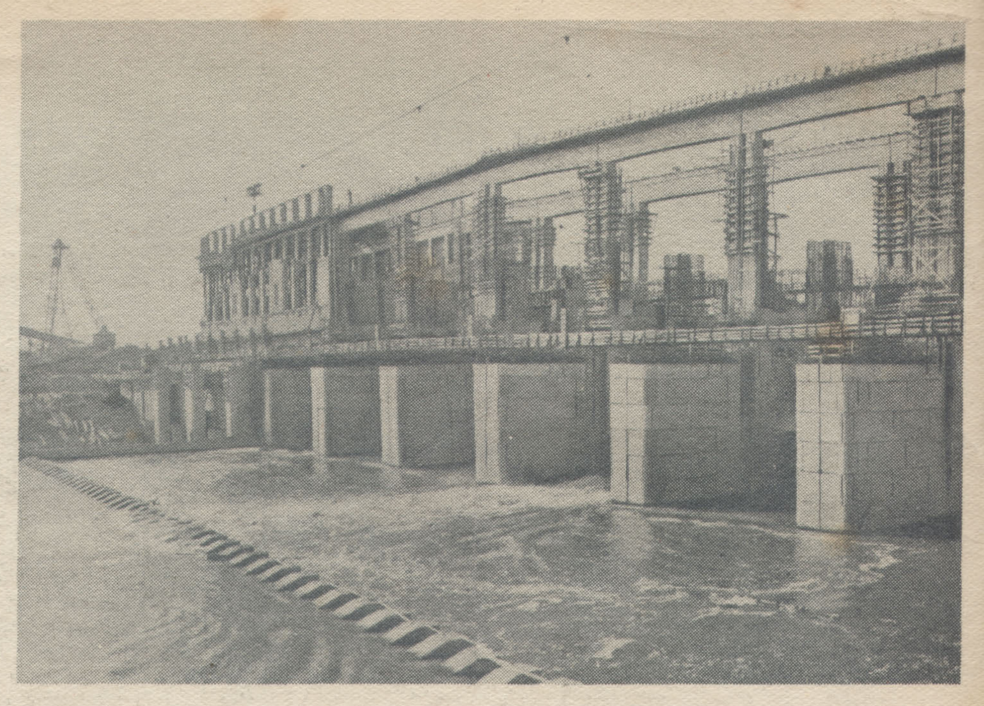

Огонек
27

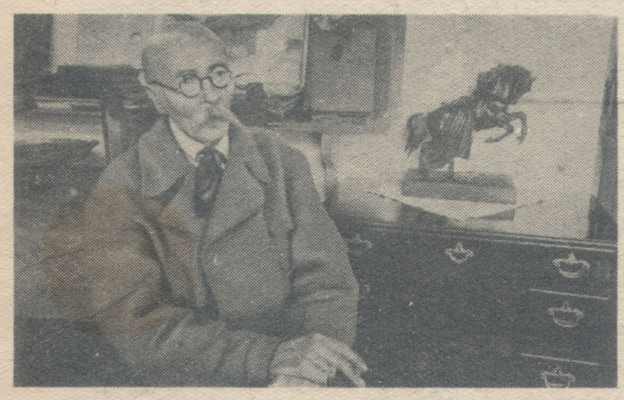
ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

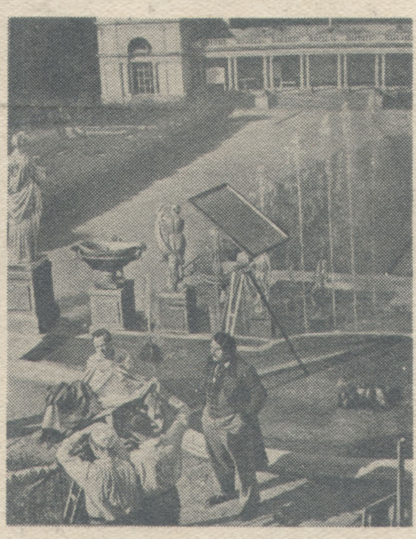
В столице Калмыцкой АССР Элисте состоялись большие празднества в связи с 500-летием калмыцкого народного эпоса «Джангар». На снимке: группа участников народного праздника в городском парке.

На строительстве Угличского гидроузла. Пуск Угличской ГЭС приурочен к 23-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Седьмого сентября наша общественность отметила двойной юбилей заслуженного деятеля искусств Николая Семеновича Самокиша: 80-летие со дня рождения и 55-летие художественной деятельности. Кисти академика батальной живописи тов. Самокиша принадлежат тысячи высокохудожественных произведений. Особой известностью пользуются полотна «Атака буденновцев», «Фрунзе во главе красной конницы» и другие. За свои заслуги на поприще искусства тов. Самокиш награжден в день своих юбилеев орденом Трудового красного знамени.

В Петергофе, на фоне фонтанов дворцового парка, идут съемки кинофильма «Бальзак в России». Ставит фильм орденоносная студия «Ленфильм».

В Львовский государственный музей художественной промышленности поступают ценные художественные изделия из бывших панских имений. Специальная комиссия научных работников Музея проверяет и изучает все поступающие ценности. На снимке: научные работники Музея за изучением предметов старинного искусства.

Только что снизился самолет на Сыктывкарском аэродроме, в далекой Коми АССР. Он доставил больного из колхоза: требуется срочное хирургическое вмешательство, и такой помощи больной на месте не мог бы получить. Перевозка больных на самолетах — не случайное явление в республике. В Коми АССР постоянно действует санитарная авиация.

На Хибинской полярной опытной сельскохозяйственной станции Всесоюзного института растениеводства проводятся опыты по выращиванию в условиях Заполярья зерновых, овощных и кормовых культур, а также цитрусовых растений. На снимке: заведующий сектором агротехники и агрохимии П. А. Турнас и научный сотрудник А. Ф. Каретникова осматривают растения, выращенные в порядке опыта на удобренных торфяных почвах.

На обложке: Тактические учения в Западном особом военном округе. Народный комиссар обороны маршал Советского союза С. К. Тимошенко наблюдает за действиями войск. Фото С. Гурарий. **На последней странице обложки:** XII шахматный чемпионат СССР. На переднем плане (слева направо) — Г. Левенфиш, И. Бондаревский и М. Ботвинник. Фото Б. Вдовенко.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 27
(714)
понедельник, 30 сентября
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

И. Е. Репин. Автопортрет. 1912 год.

(Дом-музей в Абрамцеве).

Илья Эренбург

ПАДЕНИЕ ПАРИЖА

4. ПУТЕШЕСТВИЕ в «ДРУГУЮ ФРАНЦИЮ»

Парижская газета «Пари суар» заявила: «Мы будем печатать сообщения о жизни «другой Франции». Некогда Клермон-Ферран был для Парижа одним из провинциальных городов; теперь он стал «другой Францией».

Сообщение между двумя Франциями было затруднено: письма доходили случайно, изредка; телеграф и телефон не работали; поезда не ходили; газеты «другой Франции» в Париж не допускались; согласно условиям перемирия, радиостанции «другой Франции» замолкли. Париж не знал, как живут Клермон-Ферран, Лимож, Тулуза. В конце июня я направился не во французскую провинцию, но в неведомую, таинственную страну.

Мы ехали по дороге, которая прежде называлась «Лазурной»: обрамленная роскошными гостиницами и ресторанами, заставленная бензиновыми колонками и рекламами, она вела из Парижа в Ниццу. Эта «Лазурная дорога» стала дорогой горя—развалины, груды тряпья, мусор, брошенные сундуки, винтовки, детские игрушки, могилы. Воронки, сгоревшие вагоны и автомобили говорили о работе авиации. Возле поселка Лоррис, как частый кустарник, торчали палки, а на них—солдатские каски. Дальше мы увидели палки без касок: это были могилы беженцев. Все дороги были загромождены автомобилями, сгоревшими, поломанными, пробитыми пулями.

Подъехав к Луаре, мы увидели сотни исправных машин, брошенных на дороге.

Я был в городке Жиен лет пять тому назад. Я с трудом узнал этот город. Он был живописным и тихим, славился фаянсом и конфетами. Теперь набережной не было: Жиен был уничтожен авиацией; только на окраинах торчали пустые дома.

Потом мы проехали десятки убитых или искалеченных городов. Мы ехали краем, который знаменит прекрасным белым вином: Сансерр, Пуйи. Лозы были поломаны; деревни разрушены. Мы встретили мало людей. Фермы по большей части были брошены. Иногда кружились недоеные обезумевшие коровы. Хлеба были вытоптаны. Города нас встречали закрытыми ставнями, одинокими старухами, тишиной.

В Шарите-сюр-Луар чинили мост французские военнопленные под присмотром немецких солдат. Возле Мулена на дороге работали пленные сенегальцы; немецкие офицеры их фотографировали.

По дорогам все шли и шли воинские части. Повсюду были расставлены немецкие надписи. Они были сделаны клеевой краской и поэтому казались давними, как будто они здесь всегда висели.

Я невольно искал глазами крестьянина из романа Золя, того, что убирает хлеб между двумя битвами; но, видно, теперь все другое—и битвы и крестьяне: люди ушли, и колосья напрасно ждали уборки.

Мы добрались до города Мулена; он был последним городом оккупированной зоны.

В местной газете «Ле прогре де л'Алье» я прочитал удивительную заметку, озаглавленную «Настает вечер». Я ее вырезал: это Мопассан выпуска 1940 года.

«После трудового дня приятно вечером посидеть у окна и подышать вечерней прохладой. Это отдохновенно, а усталая голова так нуждается в отдыхе! Глаза наблюдают. Конечно, не видно пейзажа—только улицы, и на них запертые магазины. Опускается ночь. В темноте проходят солдаты. Давно уж наш город Мулен не знавал такого оживления. Солдаты бродят по улицам. Встречи, неизбежные диалоги.

Женщины удовлетворяют свое любопытство, беседуя с оккупантами. Они не понимают друг друга, они говорят на разных языках, но это неважно, в конце концов они друг друга понимают.

Одна женщина говорит: «Моего жениха убили возле казармы Вильяр». Солдат молчит: он не понял. Он предлагает ей папиросу, она берет, как бы машинально. Она говорит: «Вот беда, он не понимает, что я ему говорю...» Рядом другая парочка, и с ними происходит то же самое. Там тоже солдат предлагает женщине папиросу. Надо полагать, что табак способствует сближению, тем паче что недостаток в табаке заставляет оценить подарок.

Вот они уходят—две парочки, полные беспечности. Это—зрелище гарнизонного города».

Это было напечатано в номере от двадцать девятого июня, а восемнадцатого июня в Мулене еще шли бои между германскими и французскими частями.

«Другая Франция» встретила нас гулом, суматохой, криками, скоплением людей и машин. «Другая Франция» не жила, но кочевала. По дорогам все еще метались парижские автомобили, прикрытые тюфяками. Раздобыв бидон бензина, люди отъезжали на сто километров: они тщетно искали крова. В лесу я увидел моих старых знакомых—парижские автобусы; они превратились в дома для беженцев.

Париж, как известно, был объявлен «главным провинциальным городом». Как и прочие беженцы, правительство кочевало. Оно побывало и в Туре и в Бордо. Когда я приехал в «другую Францию», правительство прибыло в Клермон-Ферран. Однако в этом городе было чересчур много рабочих, и маршал Петэн поспешил переехать в Виши. Там он начал мечтать о подлинной столице: разумеется, не о грешном Париже—о Версале.

На Плас де Жод, главной площади Клермон-Феррана, состоялась торжественная церемония: город незадолго перед тем был покинут немцами, и в честь приезда правительства приказано было поднять французский флаг. Народу было много: и местных жителей и беженцев. Они угрюмо молчали. Беженцы думали о ночлеге, местные жители—о той саранче, которая все уничтожает. Какие-то чиновники лениво прокричали: «Да здравствует Петэн!»

Целый день мы носились по городу, разыскивая министерство иностранных дел. Сначала нам сказали, что оно помещается в префектуре. Там все двери были настежь и толпы бродили по комнатам, разыскивая кто министра, кто потерянный чемодан. В одной комнате на меня закричали: «Но ведь это кабинет господина Лаваля!» По слухам, министерство иностранных дел помещалось в соседнем курорте Руайя, но там о министерстве никто не слышал; нам сказали: «Вот в этой гостинице проживает президент республики. Наверно, они знают, где их министры»... Наконец, мы узнали, что министерство помещается в Клермон-Ферране, в мужской гимназии. В гимназии мы нашли только степенного швейцара, который, зло высморкавшись, сказал: «Слава богу, еще никто не приехал». Министерство было потеряно...

В стране, разоренной и несчастной, правительство занималось предпочтительно религиозными церемониями. Двадцать пятого июня в Бордо правительство заказало пышную панихиду и пышный молебен. Маршал Петэн был в штатском, а генерал Вейган—в мундире (газеты подробно описывали, как именно были одеты эти герои). Шел дождь. Полицейские (в штатском) приветствовали маршала и генерала. Два дня спустя правительство уехало из Бордо (туда вошли немцы) и заказало новую панихиду в Клермон-Ферране.

Был объявлен «День траура», как будто другие дни не были траурными. Была объявлена «минута молчания», но и эта минута затянулась: страна молчала дни, недели, месяцы—ей не давали говорить. Был выработан новый проект «конституции». Маршал Петэн, в дни Вердена говоривший о себе просто «я», в дни Виши стал «Мы, Филипп Петэн». О самой «конституции» говорили: «Диктатура, слегка разбавленная минеральной водой» (Виши—Боржом Франции).

Власть правительства распространялась только на тот город, где правительство находилось. В Тулузе никто не хотел слушать о Бордо, в Лиможе презирали Клермон-Ферран.

Правительство боялось народа. Двадцатого июня префект Марселя умолял марсельцев не высказывать своего негодования. Двадцать первого июня у микрофона выступал архиепископ Бордо; он вопил: «Братья, кайтесь и молитесь!» А в порту грузчики повторяли: «Измена!» Двадцать пятого июня министр Ибернегарэ призывал бывших фронтовиков, то есть участников войны 1914—1918 годов, защитить «порядок» от солдат-фронтовиков.

В «другой Франции» я видел мало полицейских: они предпочитали не показываться на улицах. Возле Шатодена жандармы хотели пропустить вне очереди правительственную машину. Толпа угрожающе зашумела: «Довольно несправедливости, из-за нее мы проиграли войну!» И жандармы отступили.

Двадцать восьмого июня маршал Петэн обратился к стране с прочувствованным словом. Беженцам, кочевавшим по дорогам, обманутым и покинутым солдатам, женщинам, потерявшим во Фландрии мужей, он сказал: «Не рассчитывайте на государство! Воспитывайте ваших детей, они вас поддержат». Услышав это, французы говорили: «Государство послало нас на фронт. Оно нас лишило крова и работы. Оно отняло у нас мужей и сыновей. Теперь оно заявляет: не рассчитывайте на меня!»

О многом говорили на дорогах, «другой Франции», в ее городах и селах: «Они этого хотели!», «Все разыграно как по нотам!», «Измена! Измена! Измена!»

Правительство, до которого доходил ропот народа, пыталось прикрыться дымовой завесой: «Мы против плутократии». Кто это говорил? Лаваль, который был бедным адвокатом и который, разбогатев у власти, стал скупать угодья, превратился в первого помещика Франции. Министр иностранных дел—банкир Бодуэн. Министр информации, король текстиля и владелец «Пари суар»,—Прувo. Газеты печатали статьи, обличавшие «плутократов», а под ними отчеты: «Все ценности, котировавшиеся прежде в Париже, котировались вчера в Бордо. Биржа показала повышательную тенденцию».

Буржуа не мог еще осознать происшедшую катастрофу. Обладая пакетом акций, он не хотел верить, что эти акции—только клочки бумаги. Потеряв при бегстве лимузин где-то возле Орлеана, он твердо надеялся, что разыщет его.

Светская чернь продолжала развлекаться. Двадцать первого июня префекту Жиронды пришлось особым декретом запретить дамам прогуливаться по улицам в «шортах» (трусиках).

Я видел эту чернь в Руайя, в фешенебельной кондитерской «Маркиз де Севиньи». Здесь были содержанки бывших и настоящих министров, адвокаты, банкиры, журналисты и среди них автор труда «Смерть буржуазной морали» господин Берль. Это были Елисейские поля в бегах. Возле кондитерской бродили бездомные голодные люди.

Окончание. См. «Огонек» №№ 24, 25, 26.

Для переговоров с победителями правительство избрало посла Ноэля. О нем оффициоз «Тан», в номере от двадцать третьего июня, удовлетворенно сообщал, что он был, во-первых, начальником французской охранки, во-вторых, послом в Польше, в-третьих, противником сближения с Советским Союзом.

«Священный союз», о котором много писали газеты в дни «ну-и-войны», наконец-то осуществился: буржуазия увидала перед собой подлинного врага; она боялась не германской оккупации, но гнева французского народа. Вокруг престарелого «Мы-Филиппа» объединились все: роялист Шарль Моррасс и «социалист» Спинасс, сирийский «пожарный», рубака Вейган и «антимилитарист» Белен, деляга Шотан и авантюрист Дорио. Газеты в стиле кондитерской «Маркиз де Севиньи» писали о «братстве французов». Только коммунисты оставались врагами, и «Ла либерте» писала: «Вот что сделали с Францией г. Торез и г. Пери...»

Газеты кочевали, напрасно стараясь поспеть за правительством; не было ни больших типографий, ни бумаги. Парижские газеты выходили то в Лиможе, то в Пуатье, то в Клермон-Ферране. Это были жалкие листки, напоминавшие и по направлению и по стилю газеты «главного провинциального города» — Парижа. Газета министра Прувo «Пари суар» выходила также в «другой Франции». Здесь она обходилась без указания: «Новая серия». Редакция одного издания «Пари суар» отказывалась отвечать за другую; но, сличая газеты, я понял, что они пишут одно и то же; только в лиможском издании не было объявлений на немецком языке. В «Пари суар» я прочитал статью, озаглавленную «Мусорный ящик Европы». Автор доказывал, что Францию погубили иммигранты: немцы, итальянцы, испанцы, чехи, поляки, — он предлагал их выслать. Остается напомнить, что «мусорный ящик» французы во время войны мобилизовали «для защиты страны свободы».

Поезда не ходили, бензина не было. Армия начала демобилизацию самотеком. По лесам, по полям, по горам бродили солдаты с палочками, как «Странник» Чарли Чаплина. Их не отсылали домой и не кормили; перед ними закрывались ворота просторных усадеб. Я видел на дорогах десятки тысяч этих «странников». Они были брошены всеми, и после речи маршала Петэна им не на что было надеяться.

Выполняя условия перемирия о сдаче военного имущества, правительство тщательно подбирало не только орудия, но даже ручные гранаты. О людях оно не думало. Впрочем, некоторые предлагали образовать особое «министерство демобилизации», ввиду того что генеральный штаб не мог справиться с этой задачей.

В то же время было предложено объявить мобилизацию одиннадцати миллионов беженцев, чтобы воспрепятствовать их передвижению. Но правительство уже не могло ни мобилизовать, ни демобилизовать: оно только служило панихиды и сдавало по описи танки.

В курорте Бурбуль адмирал Дюмениль распределял комнаты дипломатам: он стал адмиралом минеральных вод... В курорте Мондор расположилось министерство военного снаряжения. Легко понять, чем могло заниматься подобное министерство после капитуляции. Пышные генералы бродили по курортным лавочкам. Утром показывались больные астмой в нелепых халатах для ингаляций, как бы дополняя маскарад.

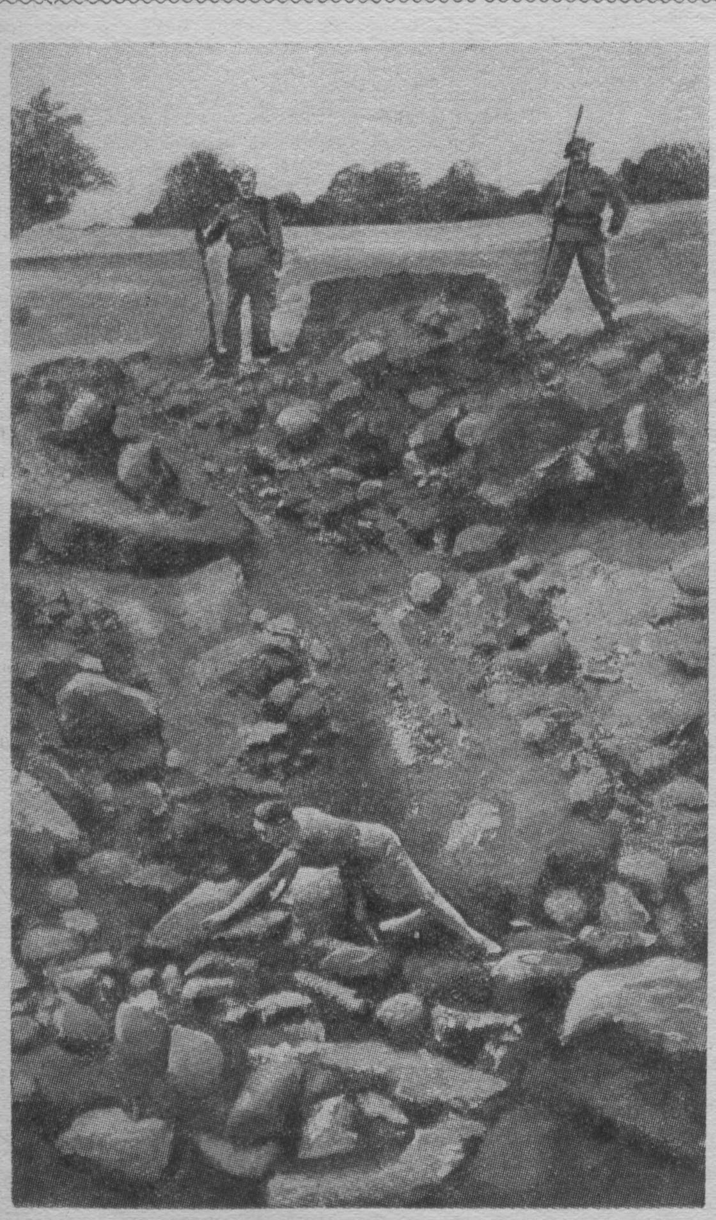
Дорога из Мондора в Брив чрезвычайно живописна. Я видел стада, спокойных пастухов, горные ручейки. Но это были короткие паузы: тотчас глаз различал на горах или возле ручейка солдат покинутой армии, костры беженцев, скелет поломанного грузовика.

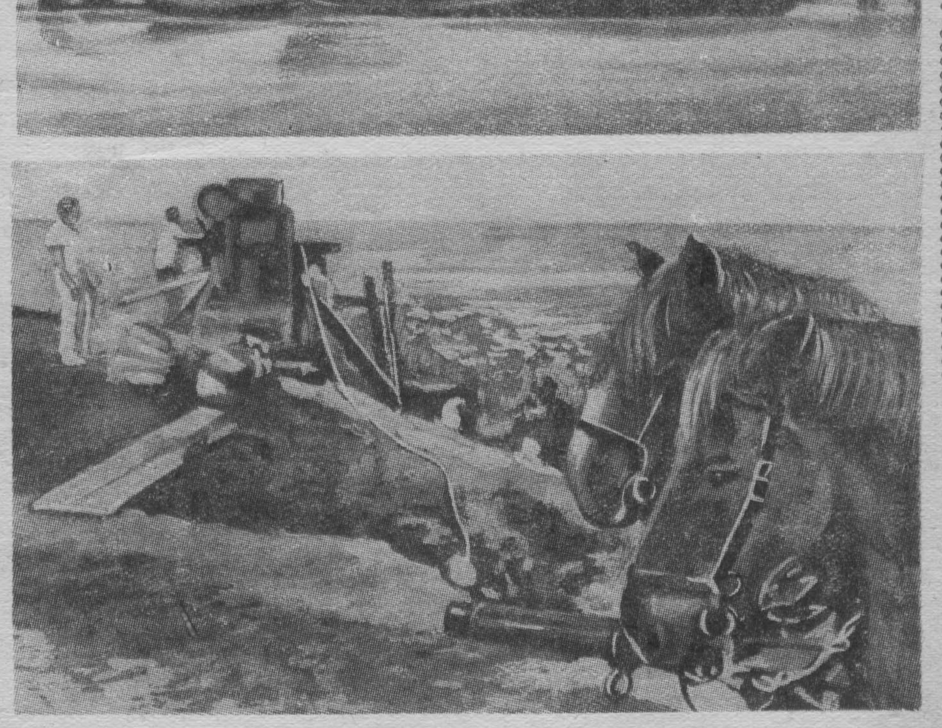
Брив считался до войны раем для чревоугодников. Теперь в Бриве нельзя было пообедать: беженцы съели все. Крестьяне не везли ничего на базар. Закрылись табачные лавки. На гостиницах висели надписи «Комнат нет». Еще хуже было в рабочем Лиможе. Толпы беженцев скрещивались: одни ехали назад, на север, другие пытались пробраться к югу, на еще не вытоптанные пастбища.

Тысячи и тысячи машин двигались на север: парижане надеялись пробраться в Париж. Возле Ла Сутеррен была первая французская застава. Жандармы, заикаясь от страха, говорили: «Нельзя: немцы не пускают...» Здесь тысячи машин стояли в поле. Еще страшнее было возле Вьерзона, на границе оккупированной зоны. Здесь двадцать тысяч людей, женщины, больные, маленькие дети, ждали в поле чуда. Никто не знал, на сколько времени закрыта граница. Оптимисты говорили — на день, пессимисты — на три; но граница была надолго, на недели, на месяцы. Беженцам некуда было деться, и они ждали — без крова, без еды, без огня. Даже вода была роскошью. Боязливо они спрашивали часовых: «Не пропустите ли?» Часовые отвечали: «Бельгийцев и голландцев пропустим, французов — нет».

Центр Франции сильно пострадал от бомбардировок. Заняв Париж, германская армия беспрепятственно продвигалась на юг. Сопротивление было столь редким, что оно удивляло. В Туре мэр города организовал оборону; в ней участвовало население и легко раненые, лежавшие в госпиталях. Дважды защитники города уничтожали понтонные мосты. Тур держался три дня; этот го-

АНГЛО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА

Слева: воронка, образованная взрывом германской авиобомбы крупного калибра при бомбардировке одного из районов графства Сэсекс на юге Англии. Справа, вверху: германский бомбардировщик, сбитый во время воздушного боя близ английского побережья и упавший в воду. Справа, внизу: земляные работы на французском берегу Ламанша; идет подготовка к установке дальнобойных орудий.

В ОККУПИРОВАННОЙ ФРАНЦИИ

На первый взгляд ничего примечательного: немецкий солдат мирно беседует с жителями какого-то городка или деревни в оккупированной зоне. Но фон, на котором заснята эта группа, вовсе не обычен.

Перед вами окраина города Крезо, столицы некоронованного пушечного короля Франции, магната тяжелой промышленности, виднейшего представителя «двухсот семейств» Евгения Шнейдера. Город Крезо расположен в центральной Франции, в департаменте Соны и Луары.

Шестьдесят процентов 35-тысячного населения Крезо составляли рабочие, занятые на предприятиях Шнейдера; во время войны число рабочих значительно увеличилось.

Артиллерийские орудия и снаряды, броневые плиты, автомобили, тракторы, танки, локомотивы — концерн Шнейдера выполнял заказы не только для французского военного ведомства, но и для армий других стран.

род частично разрушен. Некоторое сопротивление было оказано французами возле Сомюра, и центр Сомюра тоже разрушен. Однако больше всего пострадали города от воздушных бомбардировок за последние дни войны. Разрушен Гере, много развалин в Пуатье, в Монлюсоне, в Иссудене, в Лиможе.

Я проехал через Орлеан ночью. Центр этого города—между Луарой и вокзалом—уничтожен. Мы увидели знакомую картину: камни, камни, все уродство человеческого разрушения—освежеванную тушу города. Я знал Орлеан, я помнил дома, магазины, кафе.

Развалины под луной были невыносимы: от них шел сильный трупный запах.

Потом мы проехали мимо Этампля—и снова были развалины. Уже светало. Пели в поле жаворонки. Деревья при утреннем свете были чернильными, как на гравюре. Возле воронки лежали детская коляска и кукла.

5. ПАРИЖ — МОСКВА

Много раз в Париже я слышал: «Вы едете в Москву? Счастливец». Давно, лет пять тому назад, написав очерк о горе, о надежде Европы, я озаглавил его: «Есть еще на свете Москва». Эти слова я часто вспоминал в Париже и на горестных дорогах Франции.

В Париже было много очередей: на картошку и на пенсии, на обувь и на пропуска; кажется, самой длинной была очередь возле советского консульства: украинцы, белоруссы, молдаване, литовцы, латыши, эстонцы заполняли анкеты для проезда в Советский Союз. Как-то прохожий спросил: «На что очередь?» Один из очереди коротко ответил: «На жизнь».

Поезд в Брюссель отходил рано утром; посадка длилась долго, и мы приехали на Северный вокзал ночью. Париж был идеально пуст: ни человека, ни огонька; чернильная Сена; патрули. На темном вокзале молча стояли бельгийцы-беженцы: вторую ночь они ждали поезда. Было много военных. Мы поставили багаж в товарный вагон; никто его не зарегистрировал. Солдаты толпились на площадках вагонов, в проходах.

Прежде курьерский поезд покрывал расстояние от Парижа до Брюсселя в три часа. Мы ехали четырнадцать часов; путь на Мобеж был разрушен; поезд шел мимо Камбре и Лилля.

Развалины начались тотчас за Парижем. Снова я увидел мусор, щебень, камни, землю, изрытую снарядами—пустыню. Людей мы почти не видали: они ушли еще в мае, в начале июня и не смогли вернуться. Хлеб осыпался, его так и не убрали. Север Франции был мертвым краем.

Трудно перечислить убитые и искалеченные города: Суассон, Лан, Гавр, Дьепп, Руан, Амьен, Аррас, Дюнкерк, Кале, Камбре, Дуэ, Мобеж, десятки, сотни других... Редкие люди, оставшиеся в этом краю смерти, голодали. Одна женщина рассказывала: «В лесу до сих пор трупы. Нет хлеба, нет соли, ничего нет...»

Поезд шел медленно; можно было заметить все развалины, все воронки, все могилы. Живые города имеют свое лицо; разрушенные—похожи один на другой, и туманный Дуэ был сродни солнечному Фигерасу.

Составы были немецкие. На станциях стояли немецкие железнодорожники. Большинство станций разрушено; на одной я увидел среди мусора плакат: море, пляж, солнце и подпись «Проводите ваши каникулы в Дьеппе!» Французов на станции не было.

Мы проезжали по местам, хорошо мне памятным: я был здесь в годы первой империалистической войны. Я видал Аррас в развалинах двадцать пять лет тому назад. Я тогда писал о «мертвом Аррасе». Потом город отстроили. Теперь я снова увидел развалины Арраса. Вторая империалистическая война шла в старых декорациях.

Здесь протекала единственная крупная битва этой войны, названная «фландрской»: окруженные французы и англичане пытались прорваться к побережью. Многие города и поселки по нескольку раз переходили из рук в руки.

Вдоль рельсов расщепленные деревья умирали. Из хижины вышла старуха, поглядела на поезд и закрыла руками лицо.

Камбре был наполовину разрушен. В этом городе делали конфеты со странным названием «Betises de Cambrai» — «Пустяки Камбрэ!» На полуразрушенном доме висела реклама «Betises de Cambrai», а под ней, в вырванной снарядом бреши, виднелись детская кровать и клок розового одеяла.

Вместо Дуэ были развалины.

В Бельгии мы, наконец-то, увидели людей в штатском платье. На станции Ат продавали папиросы и шоколад. Солдаты покупали. Продавцы стояли на улице, за оградой.

В Брюсселе на вокзал пропускали только военных. Поездов для населения не было. Бельгия—густо заселенная страна: человек жил в одном городе, работал—в другом. Теперь люди не могли ездить на работу. Впрочем, мало у кого была работа: страна была заселена безработными. Носильщики работали полдня в неделю; шоферы такси—день в неделю; рабочие колбасной фабрики—три часа в неделю.

В рабочих поселках было людно: все сидели на улицах с утра до ночи.

Безработные голодали. Повсюду были расклеены объявления, приглашавшие безработных в Германию, на строительные работы. Указывалось, что рабочий будет получать в месяц сто тридцать марок.

В Бельгии имелись карточки на все продукты, даже на туалетное мыло. В ресторанах нельзя было закусить без карточки. Чтобы получить чашку кофе в кафе, надо было дать талончик. До войны бельгийцы потребляли очень много кофе. Теперь они получали триста граммов в месяц или тридцать чашек в кафе. Хлебный паек то и дело уменьшали.

Когда я был в Брюсселе, было объявлено о новом понижении франка: одна марка равнялась двенадцати с половиной франкам. В магазинах было много покупателей—все военные; у бельгийцев не было денег, и жизнь для них была дорога.

В Брюсселе выходили две газеты на французском языке—«Ле суар» и «Насион бельж»—и одна на фламандском. Газеты выходили на шести—восьми полосах. По содержанию они напоминали парижские газеты. Выходила также немецкая газета «Брюсселер цейтунг».

Брюссель мало пострадал от бомбардировок. Однако и в Бельгии много разрушенных городов: Невилль, Фюрн, Остенде, Ньюпор. Сильно пострадали Лувен, Намюр.

В магазине кожаных вещей хозяин сказал мне: «Неужели вы едете в Москву? Вот это—счастье!» Шофер такси, услыхав, что я еду в Москву, просиял и долго жал мне руку.

Поезд из Брюсселя в Берлин шел не обычным путем: дорога на Льеж была разрушена. Мы проехали немного по Голландии.

На первой голландской станции солдаты выбежали из вагонов: продавали сыр, сельди.

Потом мы увидели вокзал, украшенный гирляндами: мы были в Германии. Ночью поезд дважды останавливался: я услышал хорошо знакомый рев сирен: это была воздушная тревога. Сирены кричали в разных странах одинаково.

★

Было солнечное, яркое утро, когда мы увидали красные флаги и веселых, улыбавшихся людей: это было в Вирбалисе, на границе Литвы. Мы показывали друг другу: «Глядите!»—мы давно не видали людей, которые улыбаются, мы отвыкли от смеха. Легкий ветерок пахнул сеном, и красные флаги казались живыми.

Днем мы встретились на узловой станции с литовскими писателями. Они ехали в Москву, на сессию Верховного Совета. Они рассказывали о радостной грозе, которая пронеслась над их землей. На всех станциях толпился народ: степенные старики, светловолосые девушки, дети; они радостно улыбались. Было много ветра, много смеха, гомона. Я забыл, что такое—чужое веселье, а человеку это нужно как воздух.

Литовские писатели говорили о литературе. Потом они стали расспрашивать о Париже, о французских поэтах. Я не сразу ответил: я снова увидел пустой, мертвый Париж.

ПАМЯТИ ГЕРОЯ

Фото Я. Халипа

В мрачные годы господства румынских бояр трудящиеся Бессарабии лелеяли память о легендарном герое гражданской войны Григории Ивановиче Котовском. Сейчас на свободной земле Бессарабии еще ярче засверкала никогда не меркнувшая слава бесстрашного полководца.

↑

Ольга Петровна Котовская, ее дочь Елена и сын Григорий среди односельчан и друзей Котовского.

В советском городе Кишиневе, на месте памятника королю Фердинанду, будет установлен памятник любимцу народа Григорию Ивановичу Котовскому.

←

↑

На митинге, состоявшемся в родном селе Котовского — Ганчеште (Молдавская ССР) в связи с открытием памятника Григорию Ивановичу, выступил сын героя. На снимке: Г. Г. Котовский на трибуне. Слева — жена Г. И. Котовского — Ольга Петровна.

На открытие памятника в Ганчеште пришли крестьяне, земляки Котовского, пришли освободители Бессарабии — славные воины Красной Армии.

↓

БОЕВЫЕ УЧЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Фото С. Гурарий

Вся страна с неослабным вниманием следила за ходом тактических учений в Западном Особом Военном Округе, на которых присутствовал Народный Комиссар Обороны Маршал Советского Союза тов. С. К. Тимошенко. Учения прошли в условиях, максимально приближенных к действительной войне. Они продемонстрировали высокие воинские качества доблестной Красной Армии.

На помещаемых снимках зафиксированы отдельные моменты учений.

Для бойцов Красной Армии нет преград. Под прикрытием дымовой завесы пехота вместе с противотанковой артиллерией форсирует реку (верхний снимок). На новом рубеже бойцы тщательно окапываются (снимок справа). Народный Комиссар Обороны внимательно наблюдал за действиями войск.

Все ближе передний край обороны «противника». Могучая красная артиллерия обрушила огневой вал из боевых снарядов на его укрепленные позиции. За стрельбой артиллерии следил Народный Комиссар Обороны (снимок вверху, слева).

Пехота под прикрытием танков двинулась в атаку. На этом был дан отбой учениям (снимок в центре).

Народный Комиссар Обороны разобрал действия всех участвовавших в учениях частей в своем выступлении перед начальствующим составом (снимок внизу).

С. Дружинин

ГЕНИАЛЬНЫЙ РУССКИЙ ХУДОЖНИК

К десятилетию со дня смерти И. Е. Репина

Десять лет назад, 29 сентября 1930 года, на 87-м году жизни умер великий русский живописец Илья Ефимович Репин.

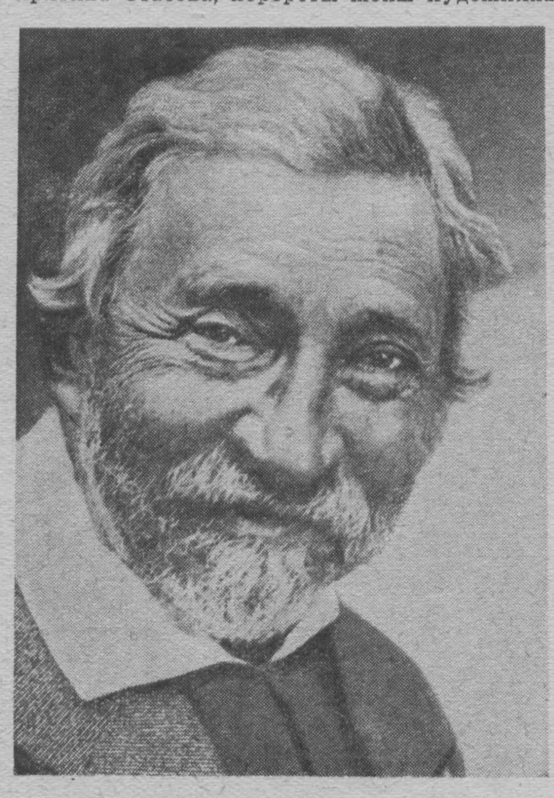
Он умер в Финляндии, в своей небольшой усадьбе «Пенаты», где почти постоянно жил с начала XX века и где, привязанный к привычной обстановке, остался после Великой Октябрьской социалистической революции.

Когда мы произносим имя Репина, перед нами возникает прежде всего образ передового демократического художника. Нам вспоминается один из столпов «Товарищества передвижных художественных выставок» — общества художников, сыгравшего большую роль в борьбе за реализм, за развитие искусства в нашей стране. Нам вспоминается Репин, называвший своими учителями Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Некрасова. Перед нашими глазами встают лучшие репинские произведения, написанные более чем полвека тому назад. Вспоминаются «Бурлаки», «Не ждали», «Иван Грозный», «Запорожцы» и многие другие его создания, которые являются законной гордостью русского народа и ценным вкладом в сокровищницу мирового искусства.

Художественное наследие, оставленное Репиным, громадно. Оно говорит о его поразительной трудоспособности и творческой энергии. Каталог выставки его работ, устроенной четыре года тому назад в Третьяковской галерее, насчитывает около 900 произведений живописи и рисунка. При этом устроители выставки прекрасно знали: они собрали далеко не все, что было написано Репиным. Им было хорошо известно, что много произведений Репина находится заграницей и что ряд его работ не удалось разыскать несмотря на все старания. Если бы действительно собрать все, что было написано Репиным, то, очевидно, указанная цифра увеличилась бы вдвое и, может быть, даже втрое. В последние годы жизни Репин уже не мог писать правой рукой, но он все же писал, писал левой рукой, подвешивая большую четырехугольную палитру через плечо, как разносчик подвешивает свой лоток.

Поражает не только исключительная плодовитость художника, но и многогранность его дарования. Он проявил свой талант во всех живописных жанрах.

Репин был замечательным портретистом. Его портреты: композиторов Рубинштейна и Мусоргского, писателей Писемского и Льва Толстого, ряд портретов художественного критика Стасова, портреты жены художника

Последний портрет И. Е. Репина

Снимок 1930 г.

В. А. Репиной («Отдых») и его дочерей («Стрекоза», «Осенний букет»), его знаменитый «Протодиакон» и, наконец, его грандиозный групповой портрет «Заседание Государственного совета» — можно отнести к подлинным шедеврам портретного искусства.

Сильнее всех своих современников он был и в области бытового жанра — достаточно вспомнить такие его картины, как «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали», «Отказ от исповеди» и многие другие. Репин отдал дань и историческому жанру, написав «Царевну Софью», «Ивана Грозного», «Запорожцев» и «Пушкина на лицейском акте».

Он пробовал свои силы и в области пейзажа и в области натюрморта. И если Репин создал немного «чистых» пейзажей, то пейзаж, как фон, занимает столь значительное место в целом ряде его картин («Бурлаки», «По грязной дороге», «Крестный ход» и многие другие), что можно писать целое исследование о Репине-пейзажисте.

В совершенстве Репин владел и различными видами техники живописи и рисунка: масляными красками, акварелью, пастелью, сепией, сангиной, углем, карандашом и другими, — часто прибегая к приемам смешанной техники. Его неустанное экспериментаторство и его неспособность пребывать в творческой бездеятельности приводили порой к тому, что когда ничего не оказывалось под рукой, он брал папиросный окурок, обмакивал его в чернила и создавал на листке бумаги художественное произведение...

★

«...Верю... в жизнь, трепещущую добром, правдой и красотой. А главное, — свободой и борьбой против неправды, насилия, эксплоатации и всех предрассудков», — писал в 1881 году Репин своему другу, известному художественному критику В. В. Стасову. Не менее страстно выразил Репин свои общественные взгляды в письме к П. М. Третьякову, когда тот предложил ему написать портрет известного реакционера М. Н. Каткова. Называя Каткова «холопом», «торгашом собственной душой», человеком с «турецкими идеями полнейшего рабства, беспощадных кар и произвола властей», Репин умоляет Третьякова не помещать портрет этого ретрограда среди портретов Толстого, Некрасова, Шевченко, Тургенева — людей, «дорогих нации — ее лучших сынов, принесших положительную пользу своей бескорыстной деятельностью на пользу и процветание родной земли, веривших в ее лучшее будущее и боровшихся за эту идею».

Творчество Репина — это борьба за правду в жизни и правду в искусстве. Это книга, написанная передовым человеком своего времени об окружающей его русской действительности второй половины XIX века. Это книга, говорящая о жизни, труде, нужде и бесправии народа в царской России; книга, смело разоблачающая самодержавие, церковь, сытую тупость, ложь и лицемерие господствовавших классов; книга, в которой запечатлена целая галерея выдающихся русских деятелей науки и искусства; книга, написанная простым и ясным художественным языком и вместе с тем таким сочным и таким красочным! По произведениям Репина мы можем изучать жизнь и быт современной ему России. При этом люди прошлого действительно «как живые» смотрят на нас с его полотен.

Интересно отметить, что Репину не удавались темы отвлеченные, сказочные, фантастические. Это была чуждая для него стихия. Репин был весь «земной»: его влекла жизнь, живые люди «из плоти и крови». Здесь он все «знал» и «мог» как художник, здесь он был силен, как никто из его современников.

Сам Репин в свое время писал, что он стремился создавать картины «из самой животрепещущей действительности, окружающей нас, понятной нам и волнующей нас более всех прошлых событий». И действительно, Репин, как никто из художников, чутко откликался в своих картинах на вопросы, волновавшие передовых людей его времени. Он с беспощадной правдой показывал неприглядную русскую действительность, бичевал существующий общественный порядок, с горячим сочувствием относился ко всем, кто боролся против угнетения и неравен-

«Лев Николаевич Толстой».

Картина худ. И. Е. Репина, написанная им в Ясной Поляне в 1891 году (Музей Л. Н. Толстого в Ленинграде).

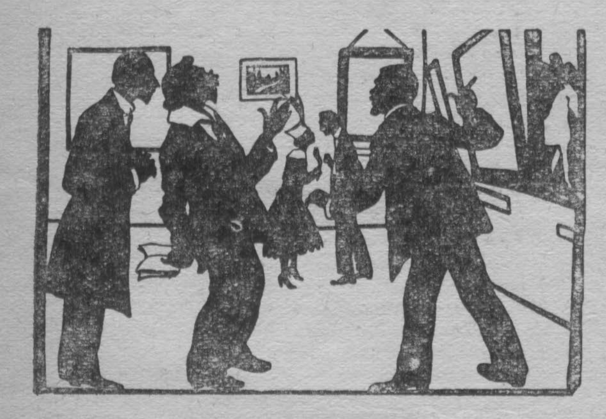

В гостях у Репина в «Пенатах». Слева направо: А. М. Горький, В. В. Стасов, И. Е. Репин и Н. Б. Нордман-Северова (жена И. Е. Репина). 1904 год.

ства ради лучшего будущего, и в ряде своих картин дал образы современной ему революционной интеллигенции («По грязной дороге», «Арест пропагандиста», «Отказ от исповеди», «Сходка» и др.).

Каждая новая картина Репина была в 80-х годах крупным событием, глубоко волновавшим общество. Так было, когда в годы жестокой реакции появилась его картина «Не ждали», сочувственно изображающая возвращение политического ссыльного в свою семью. Так было и тогда, когда он написал своего знаменитого «Ивана Грозного».

Большинство современников воспринимало эту историческую картину не только как

«И. Е. Репин на выставке «Мир искусства» в 1906 году. Слева направо: Е. Лансере, И. Репин, К. Петров-Водкин».

Силуэт работы худ. Е. С. Кругликовой.

«страницу далекого прошлого»: они видели в ней смелое разоблачение самодержавия, смелый протест против деспотизма. «...Молодец Репин, именно молодец», — писал Лев Толстой в письме к художнику, одобряя его за то, что он показал царя как «самого плюгавого и жалкого убийцу». Совершенно иначе, но так же страстно реагировали на «Ивана Грозного» представители иного лагеря. Так, известный мракобес Победоносцев, не без основания усмотрев в картине «тенденцию известного рода» (как он, страшась слов «революционная тенденция», выразился в письме к Александру III), добился того, что картина на время была запрещена. Но запрещение, естественно, не только не ослабило, а усилило горячее стремление ее видеть. Когда П. М. Третьяков приобрел «Ивана Грозного», но картина еще не была привезена в Москву, он писал Репину: «...теперь несколько поуспокоилось, а то все шла публика смотреть картину; многие никогда не бывавшие в галерее... спросят, пришла ли картина Репина. Узнают, что не пришла, и уходят, не полюбопытствуя взглянуть даже, что за галерея такая».

Картины Репина глубоко волновали его современников. Так же глубоко волнуют они и советского зрителя.

Людям нашей страны близко и дорого демократическое реалистическое искусство Репина. Они высоко ценят его полнокровное, жизнеутверждающее искусство. Им близок и репинский патриотизм, так ярко проявившийся в его могучих «Запорожцах», смело посылающих дерзкое письмо турецкому султану в ответ на его предложение перейти к нему на службу.

У Репина было немало непосредственных учеников. В свои детские и юношеские годы у него учился замечательный русский живописец Серов. В числе его учеников были Малявин, Кустодиев, Бродский и другие.

Список учеников Репина может стать бесконечным, если включить в него всех тех, кто учился, учится и будет учиться искусству живописи на его произведениях.

И. Е. Репин и И. П. Павлов. «Пенаты», 1926 год.

Яков Хелемский
Репин

Отчески Пенаты...
К. БАТЮШКОВ

1

Вот здесь он жил, дряхлеющий и слабый,
Порой бродя всего лишь в пятистах
Шагах от нас...
Как отблеск давней славы,
Еще сияли краски на холстах,
На пестрых и бесчисленных эскизах,
Рожденных вдохновеньем старика...

Уже конец был непреложно близок,
Уже повисла, высохнув, рука,
А он еще не думал о покое,
И, на груди палитру укрепив,
Он повторял:
— Я жив, я жив, я жив,
Пока владею левою рукою!
Лишь к ночи покидал он мастерскую.
В столовой пустота и тишина.
Кукушка монотонная кукует,
В старинные часы заключена.
Она хрипит и движется с трудом,
Унылая вещунья.
А бывало,
Она легко и звонко куковала,
Когда гостями наполнялся дом.

Здесь Горький прежде сиживал подолгу
И на стремянку, как на пьедестал,
Взбирался и, снимая книги с полки,
Внимательно и бережно листал.
А то стоял, нахохлившись, как сокол,
У круглого уютного стола,
И глуховато говорил, и о́кал —
При этом фраза каждая была,
Как вымах соколиного крыла.

Здесь ели вдоволь, говорили вдоволь
У щедрого художника в дому.
Здесь Павлов как-то у скамьи садовой,
Прищурившись, позировал ему.
Сеанс тогда был, помнится, недолог.
Но гость продрог: он вышел налегке,
Худой и угловатый, в долгополом
Просторном чесучевом пиджаке.

Здесь Маяковский хаживал по пляжу,
Швыряя гальку, слушая прибой,
Упругих строк разматывая пряжу,
О чем-то говоря с самим собой.
Он прибегал с добычей на террасу
И, прислонясь к ограде вырезной,
Читал врасплох, ошеломляя сразу
Страстей и строф внезапной крутизной...

2

И все они на родине. Все шире
Молва о них бежит за рубежи.
В их радостном и неподкупном мире
Не может быть бесправия и лжи.
Не может быть ни злобы, ни насилья,
Ни варварства, ни страха, ни плетей.
И сколько б их кругом ни поносили,
Он верит им, как совести своей.

Один... От всех, кто до́рог был, отрезан...
Он в двух верстах и все-таки вдали:
Рубеж страшней каленого железа —
Насквозь прожег живую плоть земли.
О, как забыть ту землю дорогую,
Где, листьями лениво шевеля,
Построившись рядами, на Чугуев,
Дорогу указуют тополя.
Земля жива! И никакой разлуке
Не вытравить из памяти вовек
Равнинных рек спокойные излуки,
Медлительных и величавых рек...

Он щурился от солнечного блеска,
Но вдаль глядел, и виделись ему
Знакомые строенья Сестрорецка,
Мерцающие в голубом дыму.
Поплыть бы вдруг! Рвануться бы! Но рядом
Шушукались прожженные плуты,
И каркали, и отравляли ядом
Иезуитской тонкой клеветы.
И снова он сутулился, и снова
Бродил он, одиночеством томим,
По пляжу и по рощицам сосновым,
По неуютным комнатам своим...
А старость обрекла его на муку,
Сужая мир с настойчивостью той,
Что для начала сковывает руку,
Потом грозит печальной слепотой.

Тускнело все... Но к замыслу прикован,
В порыве вдохновенья и тоски
Неукротимый, как глухой Бетховен,
Он клал на холст последние мазки...

3

А в эти дни мальчонка сероглазый
Цветными грифелями рисовал,
Любой портрет набрасывая сразу —
Две точки, запятая и овал.
Пейзажи были больше чем простыми:
Деревья, как огромные грибы,
Квадратный домик с окнами косыми,
Спиральный дым, летящий из трубы.

Подростком он лепил из пластелина,
Сосредоточен и почти угрюм,
Того, кто был всесильным властелином
Мальчишеских неугомонных дум.
Был в неуклюже слепленной фигурке
С недетской силой выражен Чапай —
Летящий конь, суровый всадник в бурке
И надпись: «Никогда не отступай».

...Жестокой стужей сковывает землю
Неистовая финская зима.
Полгоризонта заревом объемлют
Врагами подожженные дома.
Идут саперы медленно и грозно
Сквозь лес, не предвещающий добра,
Где скучены в молчании морозном
Деревья из литого серебра.
Везде следы невиданной порубки,
Высокие завалы без конца...

Среди саперов в теплом полушубке
Идет мальчонка, выросший в бойца.
Сквозь визги пуль, сквозь злое завыванье
Снарядов, улетающих во тьму,
Куоккала — знакомое названье —
В словах приказа слышится ему.
Пускай оно знакомо понаслышке —
С ним слиты в единении живом
Не так давно прочитанные книжки,
Мольберт и краски в клубе полковом.

Куоккала...
Пробившись через ельник,
По берегу проходит батальон
В поселок тот, где умирал отшельник,
От родины кордоном отделен.
Немая гладь застывшего залива.
Звенит обледеневшая волна.
В глубокий снег уткнулся сиротливо
Обмерзший нос рыбацкого челна.
Шюцкорами разгромленные хатки,
Лишь пепла горсть, лишь обгоревший сруб,
Лишь печи с обнажившеюся кладкой,
Лишь частоколы почерневших труб...

Куоккала... Неужто же злодеи,
Жилища умертвлявшие огнем,
И той заветной дачкой овладели
И память уничтожили о нем?!
Скорей искать! Сквозь дым, сквозь ветер хлесткий,
Сквозь дальние сугробы — напрямик...
По счастью, на пустынном перекрестке
Стоит с потухшей трубкою старик.
И он ведет бойцов неутомимых
Вдоль улочек, что гаснут, догорев,
Вдоль домиков, уже истлевших, мимо
Пылающих коттеджей и дерев.

И вот она — тесовая, простая,
Похожая на русский теремок.
Цела!..
Но снег вокруг нее растаял,
И снизу пробивается дымок.
Она кругом обложена соломой...
— Гаси, топчи! — командует боец.
И пламя, подбиравшееся к дому,
Под сапогами гаснет наконец.
Скорее в дом!
Вдали грохочет пушка,
Потрескивает сухо пулемет.
Но слышно, как ожившая кукушка
Вошедшим сразу голос подает.

4

Бойцы проходят бережно по дому.
Внизу закрыты ставни. Полумгла.
Рука сапера тянется к альбому,
Лежащему на уголке стола.
Сапер окно распахивает настежь,
Чтоб на свету перелистать альбом.
А там рисунок как мечта о счастьи,
И надпись потускневшая на нем:
«О, родина!..»
Березовая роща,
Бревенчатая русская изба.
«О, родина!..»
— пера дрожащий росчерк —
Была рука писавшего слаба.
Но как тонки и молоды березки,
Какую взор охватывает даль,
Какая сила в крохотном наброске,
Какая в краткой надписи печаль!..

Сапер бежит по лестнице скрипучей
И видит посредине мастерской
Холсты, небрежно сваленные в кучу
Невозмутимой варварской рукой.
Он гнева и недоуменья полон:
Кто совершить такую подлость мог?
Он молча письма поднимает с полу —
На них следы шюцкоровских сапог.

Остаться здесь бы часиков на десять,
В опустошенном доме старика,
Разгладить письма и холсты развесить,
Полюбоваться ими хоть слегка,
А то схватить бы кисть и торопливо
Все написать: бойцов на берегу,
Пылающий поселок у залива
И дачу, утонувшую в снегу...
Но нет, пора! Поход лишь только начат,
И гаубиц раскаты широки,
И мимо старой уцелевшей дачи
На Териоки движутся полки...

5

Трепещут кроны сосенок мохнатых,
Разрывы учащаются вдали,
И у калитки с надписью «Пенаты»
Надежные застыли патрули.
Должно быть, летом эти сосны пахнут
Балтийским ветром, солью и смолой,
Простор залива широко распахнут
Перед террасой этой нежилой,
И чайки пролетают на рассвете,
И яхты приближаются скользя.

. . . .

Сюда придут и взрослые и дети,
И, как бывало, съедутся друзья.

Карельский перешеек — Москва.

В ГОРАХ АЛТАЯ

Фото А. Узлян

На зеленых склонах Алтайских гор, в густых лесах, в сочной и высокой траве долин, пасутся резвые стада маралов алтайского оленесовхоза.

↑ Маралы — олени с большими и красивыми рогами — содержатся в полудомашнем состоянии. Прочные заборы, растянувшиеся на большие пространства, огораживают пастбища.

↑ Каждый год у маралов спиливают мягкие, покрытые бархатистой кожей, еще молодые рога (панты). На следующий год снова вырастут ветвистые, гордые рога.

Работники совхоза Сугумбай Байкунов (слева) и Кажетай Дукумбаев рассматривают панты съема этого года.

Панты маралов ценятся как лечебное средство. Спиленные рога сушатся и тщательно сохраняются в особой упаковке.

Н. Вирта

Как я охотился

Рисунки худ. Мих. Милославского

Рассказ

Прошедшей зимой один из моих приятелей, человек уважаемый, которому я всегда верил, притащил мне охотничье ружье и сказал, что я во что бы то ни стало должен его купить.

Он уверял, что это одно из самых лучших ружей в мире. Он заставил меня понюхать сталь, полизать ее, заглянуть в оба дула и обратить внимание на огромнейшее количество английских слов, вензелей и корон, выгравированных везде, где только возможно.

По его словам, это был уникум, единственное в своем роде ружье, побывавшее сначала в руках у младшего сына известного английского лорда, потом у какого-то великого русского князя и, наконец, у одного из видных членов Союза советских охотников.

Не купить такое выдающееся ружье было бы, как сказал мой приятель, преступлением, тем более что продавалось оно за смехотворно низкую цену — всего-навсего за три тысячи рублей.

...Я купил ружье и начал хвастаться им перед всеми своими знакомыми...

Я отказывался, ссылаясь на отсутствие свободных оборотных средств, но приятель и слушать не хотел. Тогда я заявил, что не умею стрелять. Но приятель не принял во внимание и этого. Он сказал, что из такого ружья и не надо уметь стрелять, что оно бьет по цели почти автоматически, без промаха. Я спросил, почему же в таком случае он не купит это ружье сам. Тогда он откровенно признался, что не делает этого только из любви ко мне.

Я купил ружье и начал хвастаться им перед всеми своими знакомыми. Один из них сказал, что я дал за это, в общем паршивейшее ружье, в три раза дороже того, что оно стоит. Другой заявил, что это прекраснейшее ружье попало ко мне задаром. Третий говорил о каких-то раковинах и предупреждал, что ружье, вероятно, взорвется при первом же выстреле. Четвертый утверждал, что ружье переживет хозяина и его внуков. Пятый, осмотрев ружье, показал на пятнышко около спуска и спросил зловеще, понимаю ли я, в чем тут дело. Я честно сознался, что ничего не понимаю, он обозвал меня идиотом, ушел и с тех пор перестал кланяться.

Положив ружье в чехол, я изредка доставал его для того, чтобы поправить книги на верхней полке или снять паутину.

В конце июля тот же приятель пришел ко мне и спросил, как поживает мое ружьишко. Я сказал, что оно в общем особенного беспокойства мне не причиняет, даже помогает приводить в порядок книги или снимать паутину с потолка.

Приятель сокрушенно повздыхал, велел достать ружье, осмотрел его, вычистил, изругал меня и сказал, что первого августа мы едем на охоту и что он, чорт возьми, сделает из меня первоклассного охотника, каким должен быть каждый уважающий себя мужчина.

Выяснилось, что он знает прекраснейшее место, недалеко от Москвы: красивейшие виды; проверенное благодушное население, лояльно относящееся к «нашему брату охотникам»; бесподобной чистоты реки и озера; густые леса, набитые грибами и ягодами; болота с утками, бекасами, тетеревами и перепелками.

Я стал усиленно отказываться, я говорил, что с детства мне не везло ни в рыбной ловле, ни в собирании грибов и что еще тогда я почувствовал отвращение к охоте. Я не лгал, мне действительно никогда не было удачи в охоте.

Если я ходил вместе с ребятами в чужой сад за яблоками, всегда случалось так, что на яблоне ловили именно меня. Бывали случаи, когда я жертвовал целостью своих штанов и умудрялся убежать от разъяренного хозяина, но тогда я обязательно попадался в руки не менее разъяренного отца, который уже знал о моих похождениях.

Иной раз я благополучно уходил из чужого сада и отец ничего не узнавал. Все равно мне попадало от тех парней, которых ловили на чужой яблоне. Обиду они всегда вымещали на мне.

На рыбной ловле я, заснув над удочкой, обычно сразу же падал в воду. Я пробовал заводить кроликов, голубей, канареек, рыбок в аквариуме. Кролики и рыбы дохли у меня от загадочных болезней; голубей переманивали ребята с соседних дворов и потом продавали их мне же. Под видом канареек мне всучали престарелых, глухонемых птиц.

Не везло мне и с грибами. Ни разу я не видел белого гриба, зато мне попадалась прорва мухоморов, поганок, отвратительных, скользких валуев и прочей ядовитой и гнилой дряни.

Мало того, что мне не удавалась охота. Я приносил несчастье и другим. Когда приятели ходили на охоту без меня, они приносили полные корзины белых грибов и малины; в их сумках лежала жирная дичь, в ведрах плескались окуни, караси и щуки.

Но стоило мне затесаться в их компанию — и грибы словно прятались под землю, и дичь не показывалась из камышей, и рыба обходила приманку.

Кончилось это тем, что приятели перестали брать меня на охоту, я понял, что охота — не моя стихия, и много лет не вспоминал о ней.

Все это я рассказал моему приятелю. Выслушав меня, он спросил: уж не верю ли я в рок, в предопределение и непогрешимость папы римского? Сделав зловещую паузу, он предупредил, что я совершу преступление, если не поеду с таким ружьем на такую охоту.

Тут его поддержала моя жена.

Она сказала, что если за ружье уплачены бешеные деньги, то надо их как-нибудь оправдать, тем более что представляется такой случай: человек знает охоту, на которой худо-бедно можно выручить рублей триста.

Я колебался. Приятель и жена стали наносить мне оскорбления, называя меня лентяем, сиднем, трусом. Когда не помогло и это, они стали усиленно давить на мою психологию, расписывая все прелести охоты и ее гигиеническое значение для здоровья и уравновешенного состояния духа.

Ладно, я согласился.

Признаться, в душе-то я мечтал стать охотником. И ужасно завидовал всем людям, которые умеют стрелять и убивать уток, зайцев, львов.

Но оказалось, что на охоту не так-то просто уехать, что к ружью надо купить множество предметов, без которых оно и не выстрелит.

Три дня продолжались покупки. Я приобрел патроны, патронташи, дробь, порох, пыжи, мазь для сапог. На всякий случай я купил себе альпеншток, связку горной веревки, синие очки и войлочную шляпу. Приятель достал мне за восемьсот рублей великолепные сапоги, ранее принадлежавшие видному члену Союза охотников. Они были с тройными подошвами, с тройными головками, с двойными голенищами и множеством ремней и ремешков, в которых я все время путался, в результате чего падал. Мне удалось достать самую современную рыболовную снасть, а один любитель охоты продал книгу в шестьсот страниц, содержащую пять тысяч двести пятьдесят рецептов соления, сушения, маринования и вяления грибов, а также варения малины, земляники, черники, брусники и костяники.

Одним словом, как я подсчитал, на истраченные деньги я мог бы купить четыреста тетеревов, или двести уже ощипанных жирных уток, или тысячу рябчиков, или же в течение шести лет съедать по одному бекасу в день.

Купив все и уложив в машину, мы ранним утром выехали на охоту. Оказалось, что местечко для охоты находится вовсе не под Москвой, а, наоборот, под самым Ярославлем.

Двести километров мы тряслись по ужасающей дороге, сломали ось, сменили две камеры, разлили запасный бензин, и все продовольствие стало несколько вонять.

Приехав в крошечную деревеньку (она и оказалась тем самым обетованным охотничьим местом), мы два часа не могли шевельнуть затекшими ногами. Наши спины болели, головы разрывались, бока ныли.

Но время — золото.

Я еще не отдохнул с дороги, как приятель уже потащил меня тренироваться в стрельбе. По дороге он неумеренно восхищался окружающими видами и называл меня черствым, заплесневевшим сухарем, состарившимся гораздо раньше, чем полагается.

А я просто не в состоянии был восторгаться красотами местной природы. Может быть, они и были действительно неповторимыми, но я не мог оценить их достоинств, поскольку было чертовски жарко, знаменитые сапоги жали ноги, ружье резало плечо, патронташи тянули меня к земле.

Наконец приятель заметил на меже каких-то птиц и велел стрелять в них. Я выстрелил.

Ружье садануло меня по плечу и едва не раздробило скулу. Птицу я все же убил. Правда, не ту, в которую целился, а совсем другую, оказавшуюся сорокой, — но все же я был горд!

Однако приятель с презрением посмотрел на меня и, качая головой, сказал, что убить-то я ее убил, но как убил? Оказалось, что я убил ее краем дробового круга. Сказав это, приятель махнул рукой и обозвал меня шляпой.

Я тогда не понимал, что это за штука — край дробового круга, — но мне стало стыдно, и я покраснел.

Вернувшись домой, я уснул и видел во сне убитую сороку. Она махала крыльями и отвратительным дискантом кричала: «Краем дробового круга убил, негодяй? Ага! Агга!..» — и плевалась.

Потом меня повели на речку ловить рыбу. В прозрачных глубоких омутах рыбы было уйма. Она легко скользила меж длинных водорослей, появляясь то стайками, то в одиночку. Тонкая щука с черной спиной стояла неподвижно около коряги и была сверху похожа на маленькую подводную лодку. Она ждала добычу. Большие язи, окуни и толстенькие караси обходили ее стороной...

День был теплый, ясный, все предвещало богатейший улов.

Сначала я ловил на мух, потом на хлеб, потом на червей, на кузнечиков, на стрекозу, на лягушек, на живца. К моим удочкам подходили лишь банды мелкой, оголтелой плотвы. Плотва рвала на куски червяков и кузнечиков и избегала крючков так ловко, что я перестал на нее сердиться.

Между тем рядом сын нашей хозяйки Миша ловил рыбу удочкой, вырезанной в лесу, на крючок, сделанный из булавки, — и рыба просто давилась около него, норовя попасть на эту дрянную снасть. Язи стояли в очереди у крючка, окуни цеплялись прямо за леску, горя желанием быть изжаренными как можно быстрее. Даже щука медленно подплыла к Мише и разрешила подцепить себя.

А я не поймал ни единой рыбины, даже самой маленькой!

После обеда мы хотели отправиться в лес по грибы, но приятель сказал, что грибной слой сошел буквально за день до нашего приезда. Понимаете? Вчера был слой и люди находили в день по триста белых грибов; стоило появиться мне — и слоя как не бывало!

Все же мы пошли в лес. Наконец-то мне повезло! Я увидел малинник и множество розовых ягод, просвечивающих на солнце. Опять неудача! Малина оказалась червивой.

На обратном пути мы купили у древней старушки сорок стаканов превосходной малины. Она собирала ее в малиннике — рядом с нашим!

Но я и тут не зашатался под ударами судьбы. Я еще надеялся, что за все пережитое меня вознаградят утки.

Вечером, когда смеркалось и облака из розоватых сделались серовато-синими, мы пошли к болоту на утиный перелет. Накануне я истратил на смазку сапог два килограмма какой-то первосортной водонепроницаемой пасты. После этого я стал падать гораздо чаще, не только из-за ремней, но и от тяжести подошв, голенищ и мази.

Не успел я дойти до болота, как в первой же лужице мои тройные сапоги промокли. Между подошвами захлюпала вода.

Мы расположились в кустах, и в тот же момент на нас напали комары. Их было так много, что, работая обеими руками, я все же не спасался от укусов. Я пробовал курить, но дым был нипочем этим озверевшим от голода творениям. Я отгонял комаров ветками, но их становилось все больше, словно они рождались от движения воздуха. Я хотел уже стрелять в них, как вдруг услышал кряканье и шелест крыльев.

Но только я поднял ружье, как тысяча сто двадцать два комара, каждый величиной с воробья, вгрызлись в мою физиономию и принялись выдирать из нее куски мяса.

Я выронил ружье, оно выстрелило в землю, утка пронеслась мимо меня и скрылась в камышах.

Два часа мы сидели в болоте — утки больше не крякали и не появлялись.

Злые, истерзанные комарами, грязные, с мокрыми ногами, мы пришли на сеновал, отведенный нам для ночлега.

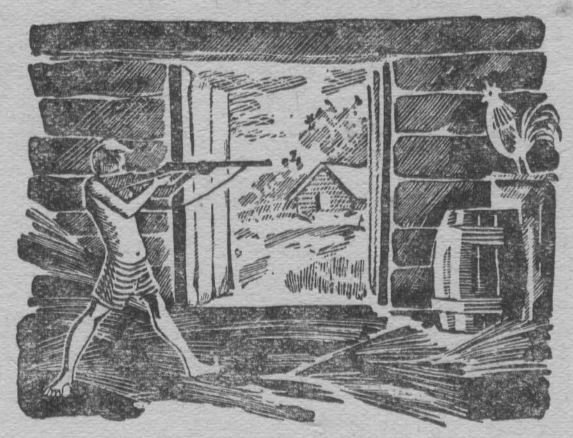
Сено было теплое, мягкое. На нашестах переговаривались сонные куры, ночь была тихой, звездной, вдали играли на гармошке и девушки пели грустную песню.

Мы поели, выпили водки и уснули так быстро и так крепко, как могут спать очень усталые люди.

Меня разбудил крик петуха. Я посмотрел на часы — была полночь. Петух, прокричав еще раз, уснул. Поворчав, уснули куры. Выругав петуха, уснул и я.

Снова крик — и снова я проснулся. Было четыре пополуночи. Солнце встало, в дыру в крыше вливалось розовое рассветное пламя.

Петух меж тем кричал не переставая. Он сидел на слеге, вдали от кур, и горланил, чорт бы его побрал, во всю мочь. Он вытягивал шею, сворачивал на бок клюв и вопил. Прокричав раз десять подряд, он засовывал голову под крыло и моментально засыпал. Но едва я забывался, как меня снова будило резкое, отвратительное кукареканье.

...Тогда я встал, нашел ружье, прицелился в желтоватый пушистый шар...

Я пытался согнать петуха с нашеста, но он забился в угол и уже не кричал, а прямо ревел. Я хотел бросить в петуха палкой, но он вдруг замолк.

Прошло десять минут. Петух молчал. Я заснул и тут же был разбужен пронзительным криком.

Тогда я встал, нашел ружье, прицелился в желтоватый пушистый шар, освещенный солнцем, и всадил в него два заряда шестого калибра.

На этот раз я попал центром дробового круга, потому что петух свалился с нашеста, даже не крякнув.

Мой приятель проснулся, я рассказал ему, как было дело, и уснул, удовлетворенный прекрасным выстрелом, вознагражденный за все горести...

*

ПРОДАЮТСЯ: патроны, патронташи, альпеншток, войлочная шляпа, сапоги, мазь для них, горная веревка, синие очки, рыболовные снасти, пособие по сушению, солению, маринованию и вялению грибов, а также варению всевозможных ягод. Продается также ружье прекраснейшей английской работы, ранее принадлежавшее младшему сыну известного английского лорда, потом одному русскому князю и перешедшее к знаменитому охотнику — члену Союза советских охотников. В качестве придачи к ружью будет названо великолепнейшее место для охоты с густыми грибными лесами; с омутами, озерами, реками и болотами; с удобными сеновалами, где ночуют куры и петухи, на которых за небольшую плату можно отвести ожесточенную несчастьями и неудачами охотничью душу.

Константин Иванов

НАРСПИ

Ниже мы публикуем отрывок из поэмы «Нарспи» основоположника чувашской литературы Константина Васильевича Иванова. В октябре общественность нашей страны отмечает пятидесятилетие со дня рождения выдающегося чувашского поэта.

«...Душистей из года в год
Цветок золотой в степи.
Цветком золотым цветет
В Сильби красота Нарспи.
Смотрите: Нарспи идет.
Лебяжьей походке в лад,
Шагов отмечая счет,
Мониcты на ней звенят.
А взглянешь на кольца кос,
На белые пальцы рук, —
По сердцу пройдет мороз,
Душа встрепенется вдруг.
Кто взгляд отведет легко
От жгучих цветов степи?
Чью молодость глубоко
Не тронет краса Нарспи?..
Вот солнышко от забот
Плывет, на закат спеша,
Нарспи в хоровод идет,
Как солнышко хороша.
Умыта. Стройна. Легка.
Монистами убрана.
Малиновый шолк платка
Несет на плечах она.
Как голос ее богат!
Поет соловья нежней.
Смеется — кругом твердят:
— Здоровье смеется в ней.
Веселье кипит вокруг.
Нарспи, не боясь беды,
Гуляет среди подруг
До утренней до звезды.
Приветливый отчий дом
Дремотою окружен.
Приветливый отчий дом
Хранит ее добрый сон.
Нарспи поутру берет
Тончайшего шолка нить.
То вышивать начнет,
То, напевая, шить:
— Пес стальной, хвост льняной,
Ходи, ходи прытко.
Пес стальной был иглой.
Хвост льняной — нитка...
Нарспи — мастерица ткать,
Искусница нить мотать.
За делом не будет спать.
Любуйтесь, отец и мать!
Пушистою лапкой кот
На лавке гостей зовет.
Ну что же — гостям привет:
Сготовит Нарспи обед...
Так девичья жизнь течет
Теченьем спокойных рек,
Пока сватов не пришлет
К отцу чужой человек.

Перевод Александра Жарова

НА СОВЕТСКОМ ДУНАЕ

Фото Н. Крячкова
Текст А. Гуторовича

Корабли идут из Черного моря в Дунай.

На песчаных косах приютились рыбацкие поселки. Кривые избушки с подслеповатыми оконцами и зеленью мхов на тростниковых крышах. Жалкие хижины украинской, русской, молдаванской бедноты. Здесь сейчас началась новая жизнь. →

← В устье Дуная, на островах, стоит город Вилков. Когда сюда зашел первый сторожевой корабль советских пограничников, семь тысяч жителей городка на шлюпках и шхунах запрудили все каналы и выехали встречать корабль.

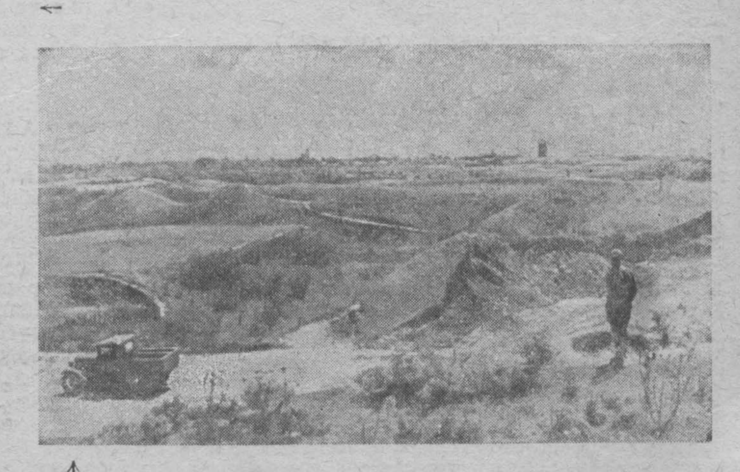
И вот с противоположного берега Дуная началось паломничество крестьян в обетованную землю — в СССР. Наш фотокорреспондент заснял один из этих моментов.

Семьи крестьян Григория Топора и Федора Залецкого возвращаются в родную, уже Советскую Бессарабию. За десятилетия каторжного труда на помещика Гица Жуганери обе семьи не заработали даже на ботинки. Все «имущество» обеих семей свободно уместилось в маленьком сундучке, который несет в руках вчерашний батрак Залецкий.

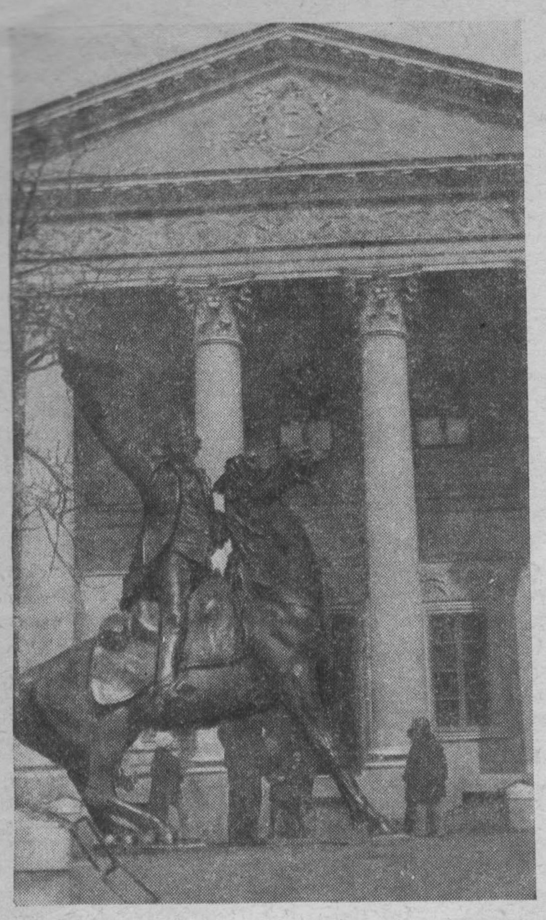
— За сколько же это лет вы накопили такое богатство?— с улыбкой спрашивает советский пограничник.

— За два с лишним века,—с горечью ответил Топор. — За двести, говорю, лет, если сложить вместе десятилетия каторжного труда на помещика каждого из членов нашей семьи.

Уверенные в завтрашнем дне, с улыбкой вступают вчерашние батраки на свободную и счастливую нашу землю. ←

↑ Вот они — крепостные валы Измаила! На месте высоких бастионов груды камней, холмы с давно истлевшими костями турок и русских. Полководец Суворов здесь водил русские войска на штурм Измаила.

← На площади в центре Измаила давно ждет Суворова пьедестал памятника. Царское правительство так и не удосужилось поставить здесь памятник великому полководцу. В 1917 году измаильцы начали сбор пожертвований на памятник Суворову. Заложили фундамент и воздвигли пьедестал. Но, пока в Одессе отливали памятник, румыны захватили Бессарабию. И бронзовый Суворов на двадцать два года остался в Одессе.

Профессор-скульптор Теннер уже реставрирует памятник. Суворов на коне приветствует русские войска, взявшие штурмом Измаил.

→ В Измаиле румыны воздвигли на готовый пьедестал короля Фердинанда I. Возмущенные измаильцы по ночам писали на памятнике мелом: «Уйди вон с суворовского места!» Но мел был слишком плохим средством для борьбы с оккупантами—требовался штык.

Теперь вместо чужого короля пьедестал по праву займет свой Суворов.

Пока же измаильцы на пьедестале суворовского памятника водрузили красный флаг.

В лучшем здании Измаила находится сейчас городской совет.

В городе создана рабочая милиция, охраняющая порядок и покой трудящихся. →

В села к берегам Дуная самолеты и поезда ежедневно доставляют свежие газеты из Москвы и Киева. На снимке: бывший батрак румынского помещика Скрыпник читает своим неграмотным хуторянам свежий номер московской газеты. ↑

Ликуют села на Дунае. В свободные дни крестьяне устраивают народные гулянья в честь товарища Сталина и Сталинской Конституции. Мы засняли такой праздник в селе Чичма Варунта. В центре села под аккомпанемент скрипок и сопилок кружился гигантский хоровод. Свыше 500 украинцев, болгар, молдаван кружилось в народной пляске. Девушки надели лучшие платья. Головы их были украшены пунцовыми розами, жасмином и лилиями. Хоровод, притоптывая и присвистывая, исполнял старинную песню своих дедов, мечтавших о дне, когда и над Бессарабией взойдет солнце правды и свободы.

Б. Левин

ЭКСКУРСИИ В ПРОШЛОЕ

Началось с игры. Московский городской дом пионеров обратился к членам школьных исторических кружков:

«Мы живем в Москве. Мы каждый день проходим по ее улицам и площадям, встречаемся с замечательными людьми нашей эпохи. И все же недостаточно знаем наш родной город — столицу великого Союза ССР... Найдите на старинном плане города Москвы район, в котором вы живете. Заинтересуйтесь тем, что здесь было несколько лет назад. Пройдите по улицам района. Отыщите старинные дороги. Расскажите, откуда и куда они вели. Пойдите в музеи — там вы увидите много документов о прошлом. Запишите воспоминания рабочих — участников боев 1917 года. Запишите рассказы стахановцев, биографии депутатов вашего района...»

Игра увлекла детей и взрослых: профессоров, педагогов, историков, внешкольных работников. Тысячи школьников пустились в большую экскурсию по изучению Москвы, ее истории, ее музейных древностей, исторических домов. Дети стали постоянными посетителями столичных музеев, библиотек. Они описали десятки старинных зданий, сделали много фотографий, дали простор своей юной фантазии.

Юра Ярцев, в форме летописи Ивана Иванова, его сына, внука и правнука, написал историю Сокольнического района, его рощи. В этом рассказе быль перемешана с романтической выдумкой. Историко-фантастический рассказ начинается с того, что Юра вытащил из стены гвоздь и случайно обнаружил небольшую нишу. В ней лежали обернутые материей свертки. И в одном из свертков оказался древний папирус с запиской, написанной в 1918 году:

«Нашедшего эти летописи прошу продолжать их и завещать новому поколению. Берегите летописи, как зеницу ока. В них история Сокольнического района. И. Иванов».

«Кто такой Иванов?—фантазирует дальше Юра. — Это патриот родины, который ушел в марте 1918 года защищать от врагов революцию, пропал без вести и не успел докончить летопись Сокольнического района, начатую его дедом».

И Юра Ярцев продолжает работу Иванова, он роется в исторических документах. Его заинтересовало происхождение названия «Ширяево поле». Нельзя без увлечения читать рассказ об охоте царя Алексея Михайловича. Во время охоты царский сокольничий Фома случайно убил лучшего царского сокола по имени Ширяй. Царь, рассказывает юный историк, приказал «Фому повесить и прочих сокольничих, не нашедших сокола, тоже повесить, а поле в честь моего верного сокола назвать Ширяевым».

Руководитель кружка истории педагог И. Г. Розанов с юными историками Ирой Горелик, Юрой Ярцевым и Олегом Маловым на занятиях.

Фото Е. Игнатович

Вот другой фантастический рассказ — «История монетки, отчеканенной в 1763 году». Двенадцатилетние Юра Крутиков и Ира Горелик дают на большом историческом фоне похождение елизаветинской монеты, пропутешествовавшей через века до наших дней, побывавшей в руках Ломоносова, Пугачева, Шамиля...

Наряду с фантастическими повестями школьники написали серьезные исторические работы. Леня Марголин сделал доклад «История Преображенской площади». Мальчик специально консультировался, положил много трудов, чтобы начертить план площади. Двенадцатилетний Леня Хазанов написал очерк по истории Китай-города и т. д.

Как юные следопыты, ходили дети по большой, широко раскинувшейся Москве. У них появился интерес ко всему, что их окружает. У них возникло чутье археологов. Двое из детей решили написать историю Петровской потешной крепости. Долго искали следы. Крепость не нашли. Рылись в документах, в старинных планах, пока не установили: крепость находилась на острове, в нижнем течении реки Яузы. Старое русло реки засыпано и застроено. На планах 1812 года его уже нет.

Павлуша Лапшин поехал в колхоз, на родину, в Пронск. Вышел однажды мальчик бороновать. Борона зацепилась за твердый предмет. Думал, коряга. Отвернул борону и вытащил чудной котелок.

— Если бы не был историком, я бы, наверное, бросил. А сейчас заинтересовало...

Котелок был отнесен в музей, где установили, что павлушина находка — шлем, относящийся к XIV веку.

В особенности отличились ребята из Бауманского дома культуры. Ребята вместе с руководителями и сами по своей инициативе вдоль и поперек изучили свой район, его площади, улицы, переулки, отдельные дома. Сделали много фотографий. Нет старинного дома, которым не заинтересовались бы юные следопыты. Отыскали дом Монсов, в котором бывал Петр I, нашли дом Мусина-Пушкина, в котором, по некоторым историческим данным, сгорело «Слово о полку Игореве». Разыскали место, где в далекие годы стоял дом, в котором родился Пушкин. Разыскали участников боев 1917 года.

Алеша Брагин, ученик 7-го класса, за резкое, непочтительное обращение с учителем на уроке географии был исключен из школы. Директор школы сообщил в Бауманский отдел народного образования, что мальчик неисправим и нетерпим для школьного коллектива. Это было несколько месяцев назад.

Что произошло с Алешей Брагиным за полгода? Мальчишка долго был вне школы. Его могла затянуть улица, но не затянула. Бауманский детский дом культуры, занимательная игра поглотили кипучую активность мальчика. Дом культуры сделал то, что могли сделать и школа и ее преподаватели истории.

Сегодня Алексей Брагин выступает на конференции молодых историков, читает доклад на тему «Бауманский район тысячу лет назад». Происходит это в большом зале Бауманского детского дома культуры. За красным столом сидит умная детвора. 250 ребят слушают сообщения Алеши. Рассказ его очень образен. Вместе с докладчиком ребята путешествуют по дремучим лесам древней Руси, которые были на месте нынешней Москвы, перед ними возникает полноводная Яуза.

— Тысячу лет назад, когда не было Москвы, по рекам нашего Бауманского района двигались суда. Представим себе, какие большие лодки останавливались в устьях рек, впадавших в Яузу. Было несколько таких рек: Чечера, Кукуй... Тихо вокруг. Шумит бор. Пролетают дикие утки. Вода мягко бьет о борт лодки... Так было в нашем районе долго, даже после того, как великий князь Юрий Долгорукий в 1156 году заложил град Москву выше реки Яузы...

В аудитории тишина. Сосредоточенное внимание. Ребята с головой ушли в древнюю Русь.

Ваня Дюжев говорит о природных условиях района:

— Ребята, мы знаем климат Арктики, Азии, но совсем не знаем климата своего города, своего района.

Он сообщает такую интересную для ребят деталь: в Бауманском сквере температура на 5 градусов ниже чем на Спартаковской улице.

— Объясняется это тем, что в сквере много зелени, а зелень, задерживая влагу, понижает температуру.

Интересен доклад Финогенова «История Бауманского детского дома культуры». Из этого доклада дети узнают, что в доме, в котором они сейчас проводят свою конференцию, помещалась хлебная биржа. В 1918 году здесь выступал на митинге Ленин. И в заключение Коля Десятчиков рисует перед участниками конференции будущее Бауманского района. Сколько чудесных мечтаний вложил мальчик в свое сообщение! Он говорил о мечтаниях, которые становятся реальностью:

— Река Яуза, сейчас дохленькая речушка, будет глубокой, с прекрасным водным зеркалом. В недалеком будущем по Яузе поплывут суда, катеры. А немного погодя, думаю, будет и купанье... Захотел выкупаться в Химкинском водохранилище или подняться на террасу Дворца Советов, чтобы полюбоваться видом Бауманского района, ты на метро доедешь через несколько минут... У тебя под боком станция «Спартаковская»... А если захотите, к Дому культуры будет подан автожир, и в выходной день можно слетать в город Калинин...

Коля Десятчиков не предполагает даже, как близки к осуществлению самые смелые его мечты. Ведь многие из нас помнят первые полеты Уточкина в 1911 году. Трудно было тогда даже мечтать о воздушном сообщении на Северный полюс, о пятичасовом полете из Москвы в Минеральные воды...

Мы много пишем о детях, об ошибках родителей и педагогов. Но мы так мало говорим по существу: как и чем заполнить детский досуг.

Смысл прекрасной игры по изучению своего города, своего района в том, что она захватила тысячи ребят, подняла у них замечательное чувство патриотов столицы. У многих школьников Москвы она пробудила глубокий интерес к исторической науке.

Из игры выросло большое, интересное дело. Из игры родился клуб юных историков, который и в летний период продолжал свою деятельность. Ребята совершали занимательные экскурсии в Бородино, в Коломенское, Загорск, Серпухов. Места боев 1812 года, древние крепостные сооружения, монастыри, старинные помещичьи усадьбы, вековые липовые аллеи—ничто не ускользнуло от любознательного глаза юных историков.

Профессор Шестаков, подводя итоги занимательной игры, написал ребятам:

«Мы должны себе поставить цель — хорошо изучить историю Москвы и ее окрестностей с тем, чтобы в недалеком будущем, учась на игре в историю, смогли дать сами свои работы по истории такого качества, чтобы они были гордостью всей нашей страны. Мы должны силами многих тысяч юных историков Москвы создать свою книгу по истории нашей чудесной столицы».

Гр. Григорьев

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРИРОДЫ

Осень набросила блеклые краски на деревья, окутаны покрывалом опавших листьев аллеи и цветники. Чудесный город дворцов и зелени, собравший прекрасные плоды земли, умные машины и великолепные произведения народного искусства, закрывает свои двери до будущего года.

Выставка за два года возмужала. Те, кто уже побывали на ней прошлым летом, с радостью отмечали каждое новшество. А нового немало. Вот павильон, на фронтоне которого история записала гордые слова: «Карело-Финская республика». Люди, съехавшиеся из южных степей и горных пастбищ, с интересом осматривают экспонаты этой северной братской страны. Красочный мрамор и гранит, лес и пушнина, бумага и целлюлоза. И тут же — многострунные кантеле, под аккомпанемент которых свободный народ по-новому поет о своей жизни.

Перед посланцами советской земли радушно открыли двери и другие павильоны, которых раньше не было: Павильон химизации сельского хозяйства, Павильон физкультуры, Осоавиахима. В нынешнем году увеличились и делянки, посевы, опытные участки прославленных экспериментаторов.

Достаточно было войти в любое из столь знакомых по своей архитектуре зданий, чтобы заметить, как все здесь стало богаче, разнообразнее. С юга перекочевали прихотливые земледельческие культуры. Новые географические широты завоевали хлопок, рис, маслянистый арахис и каучуконосный кок-сагыз. Права всесоюзного демонстрирования добились электродоилка и дубовый шелкопряд, рекордные колосья новых ефремовских звеньев и гибриды, выведенные руками юных натуралистов.

А машины? Многих из них раньше не было в этом дворце из стекла и стали. Восхищение и чувство гордости за отечественную технику вызывает каждый из этих сотен колесных экспонатов, будь то опрыскиватель для борьбы с вредителями сахарной свеклы или внушительный агрегат, убирающий, обмолачивающий и очищающий зерно. Большим успехом пользовался автомобиль «ГАЗ-15» с приводом на все четыре колеса. Эта машина легко преодолевает любой грунт, может идти и по вспаханному полю, и по заболоченной местности, и даже через непролазную грязь.

Трактористы, агрономы, инженеры оставили свои пожелания и деловые соображения в Книге отзывов. Кто предлагает застеклить кабинки и устроить дверцы на тракторах, кто высказывает мысль об особых машинах, которые могли бы отделять куколь от овса.

Новое здесь было на каждом шагу. Ищущий глаз внимательного экскурсанта обнаруживал перемены в павильонах живых экспонатов. Сколько рекордисток-коров, необыкновенно плодовитых несушек, племенных скакунов, выращенных на колхозных конефермах, породистых овец и свиней!

Новизна, своеобразие Выставки были не только в вещах, в экспонатах, но и в людях. Как будто те же, «старые» посетители Выставки, с которыми экскурсоводы изрядно пропутешествовали по многочисленным павильонам, оранжереям — трактористы и доярки, огородники и полеводы, — но уже не так они смотрели на стенды, как прежде. Интерес к экспонатам более строг и глубок. «Вы нам не только показывайте достижения, — требовали они у экскурсоводов, — расскажите, как их добиться».

Павильон «Зерно» — своеобразная аудитория. На фоне экспонатов — колосьев, зерна — и картин, живописующих производственные будни советского села, проводи-

М. Бабенчиков

«ПЕРЕДВИЖНИКИ»

Трудно представить другую страну, где бы на каждом шагу было столько находок для художника, как Армения.

Замечательные памятники древней архитектуры чередуются здесь повсюду с новостройками, дивная девственная природа альпийской зоны — с тщательно возделанными колхозными полями... Часы дня исполнены здесь бесконечного разнообразия, причудливо изменяющего очертания и форму гор: вершины их то растворяются в лучах расплавленного солнца, то обволакиваются дымкою прозрачной синевы. Быть художником в этой обстановке — значит никогда не знать покоя, вечно находясь настороже, ловить каждое мгновение, каждую смену великолепного зрелища, расстилающегося перед глазами.

Богатство и разнообразие природы, обилие раскинутых по всей Армении архитектурных памятников, бурное строительство, которое с каждым годом все больше и больше охватывает страну, приучили армянских художников к живому и действенному восприятию родного края, к постоянным передвижениям, к выездам на натуру. Художник здесь недолго бывает в своей городской мастерской. Почти все весенние, летние и осенние месяцы он проводит в горах, среди населения колхозов, рудников, новостроек...

Очень существенно, что выезды на этюды целых художественных коллективов уже с 1939 года приобрели в Армении организованный характер. Благодаря инициативе и исключительной энергии известного армянского живописца Г. Гюрджана возникло ценнейшее и поучительное начинание: передвижная художественная мастерская-выставка, первый опыт этого рода в СССР.

Уже прошлогодний выезд бригады художников с передвижкой показал, как своевременно и умно было задумано это полезное дело и как много получают от него и художник и зритель. Бригада полностью выполнила свой план, организовав за год восемь выставок в тех районах, где работала (Мартуни, Микояне, Аштараке, Бюракане, Ошакане, Абаране, Канакерах), и в самом Ереване. На этих выставках экспонировалось около 130 лучших работ членов бригады. Выставки-передвижки неизменно имели огромный успех у зрителя, особенно у учащейся колхозной молодежи, и вызывали большое воодушевление, производственный подъем и интерес к искусству среди колхозных масс. Члены бригады художников проводили беседы по вопросам искусства, давали консультации, а где возникала возможность, создавали самодеятельные изокружки.

Художники на этюдах в городе Микояне.

Работа «передвижников» получила общественное признание. Бригада располагает сейчас специально оборудованной автомашиной с походной кухней, продуктовыми шкафами, радиоприемником, аптечкой и специально сконструированной выставочной палаткой. У членов бригады уже есть большой опыт совместной, коллективной работы, знание условий походной обстановки и уменье быстро ориентироваться в ней.

В этом году намечено много поездок, в частности в Гарни и Гегарт — места интересные по своему историческому прошлому и по своей природе.

Передвижная изомастерская-выставка — дело большое и новое. Оно требует широкой поддержки. Пример Армении мог бы с успехом быть перенесен всюду. В СССР немало мест, куда еще не заглядывали художники и где коллективный приезд их мог бы сыграть огромную культурную роль.

Изопередвижная мастерская на берегу Севана.

В Ахкале. Художники пишут портрет стахановки.

лись инструктивные беседы, лекции. И в роли лекторов, добровольных пропагандистов, нередко выступали сами экспоненты. Из сокровищниц народного, стахановского, социалистического опыта люди практики и люди науки черпают испытанные приемы, подсказанные жизнью методы, перенимают лучшие образцы сельскохозяйственной культуры.

Отдельные достижения были в этом году обобщены, подкреплены наукой. Каждая деталь демонстрировалась в комплексе: для озимых один комплекс, для яровых—другой, для технических культур—третий.

Чтобы получить знания и опыт, люди совершают тысячекилометровые маршруты по советской земле. В Павильон овощеводства явились представители одного из башкирских научных институтов: «Дайте нам горсточку семян лука «каба»: мы их испробуем у себя». За щепоткой семян редиски многие экспоненты Выставки выезжали в подмосковный колхоз «Смычка».

После знаменательных встреч у витрин, у свинарников, в оранжереях завязывается деловая оживленная переписка между представителями колхозов, разделенных тысячами километров. Артели и совхозы, фермы и опытные базы раскрывают свои «секреты» рекордных удоев, высокой яйценоскости кур или рациональной выводки пчел. Нередко издалека прямо на Выставку путешествует письмо-запрос иному мичуринцу, гибридизатору, получившему вегетативным сближением новые сорта конопли или табака.

★

Заимствование лучшего опыта стало прекрасной традицией в нашей стране. Науке тесно в стенах лабораторий, исследовательских институтов — ее завоевания делаются достоянием народа. Смелые эксперименты над природой находят тысячи подражателей. Ценные открытия видоизменяются в неисчислимых вариантах. Вся страна — гигантская лаборатория, выращивающая, насаждающая все лучшее, что добыто человеческой волей и умом.

...В Павильоне Московской, Тульской, Рязанской областей демонстрировался макет дождевальной установки: небольшая насосно-силовая станция, переносный трубопровод и десятка три дождевых насадок—вот и вся установка. Искусственный дождь... Это так ново и так много сулит! Огородники стали насаждать у себя дождевальные установки и в десять раз увеличили урожай капусты, свеклы, моркови, огурцов. Об опыте искусственного дождевания узнали в Белоруссии, на Украине — и начинают там широко его применять.

Люди, приехавшие из разных мест, познакомились на Выставке и с парниковым комбайном. Остроумная машина вентилирует парники, подвозит удобрения, выравнивает землю, рыхлит ее, сеет, поливает... Она механизирует свыше двух десятков производственных процессов и на десять — пятнадцать дней ускоряет созревание овощей. Во многих колхозах Московской области высокопроизводительный парниковый комбайн уже завоевал себе место.

...У выставочных стендов нередко можно было видеть оживленно разговаривающего человека, убежденно доказывавшего пользу зимнего салата для скота и положительную роль механической подготовки кормов. Директор подмосковного совхоза «Лесные поляны» тов. Крылов мог гордиться своим хозяйством—механизированными скотными дворами, коровами-рекордистками, дающими больше чем по пять тысяч литров молока, образцовой кормовой кухней, приготовляющей для коров витаминозные зимние салаты, посевами корнеплодов. Из многих европейских стран приезжали на Выставку знакомиться с культурой совхоза «Лесные поляны», ставшего подлинной школой передового зоотехнического опыта. В прошлом году совхозники из «Лесных полян», участвовавшие на Выставке, были награждены тринадцатью серебряными и золотыми медалями, и это было свидетельством больших успехов. Но и этому образцовому хозяйству пришлось на Выставке кое-чему поучиться и заимствовать не только такое новшество, как искусственное дождевание, но и самые как будто заурядные мелочи.

Бычатник из «Лесных полян» тов. Светиков необычайно был изумлен, увидев, как быков проезжают под седлом. В совхозе эти животные совершали свой моцион только в упряжке. Бычатник Светиков уехал с Выставки, обогащенный ценным опытом, и с пользой применил его в своем совхозе.

А зоркий глаз совхозного зоотехника Голубаша подглядел в одном из незаметных уголков Выставки сетчатую мухоловку: нехитрое приспособление из четырех реечек и металлической сетки. Это была подлинная находка, и Голубаш оборудовал мухоловками скотные дворы «Лесных полян».

Так иногда и мелочи наполняют радостью открытий.

Первые дни осени были, пожалуй, самыми интересными на Выставке. Пышно оделись аллеи Мичуринского сада, созрели груши и яблоки, павильоны наполнились живыми, благоухающими экспонатами. Плоды нового урожая: гигантские персики «Эльберта» и сливы «Лувенская красавица», выращенные на опытной станции под Ташкентом; чудесные дыни и пудовые арбузы из пустынных Кара-Кумов, где еще недавно лишь шумел ковыль; картофелины «Эарон», в полкилограмма каждая, из степей Крыма — совершили далекие рейсы на самолетах, на автомашинах, в холодильных вагонах.

За эти плоды, за этот урожай, боролись тысячи экспонентов, чьи имена сверкают на стендах и записаны в «Книгу почета». Это первые победы на полях, дающие право участвовать в Выставке будущего года.

В павильоне «Зерно» колхоз имени Сталина, лучший в Ростовской области, демонстрировал колосья нового урожая. Почетное имя колхоза не сходит со стенда. Уже три года в колхозе собирают по девятнадцать центнеров зерна с гектара, а для участия на Выставке нужно только одиннадцать. За передовой образцовой артелью последовали все колхозники района. Весь Сальский район стал коллективным экспонентом.

Год назад, когда впервые над городом-садом взвился флаг Выставки, насчитывалось немного больше ста пятидесяти тысяч ее участников — лучших комбайнеров, звеньевых, доярок, даровитых опытников, селекционеров, смелых преобразователей природы. Посетив Выставку, они разъехались по полям и пастбищам, бахчам и виноградникам нашей великой страны. По крупицам они разнесли великий опыт народа. И стали множиться идеи даровитых экспериментаторов, победы ученых и практиков. К открытию Выставки этого года уже насчитывалось 265 326 участников — новаторов, передовиков, носителей высокой советской агрономической культуры.

В нынешнее лето они снова вооружились опытом, побывав в чудесном городе-школе, городе-лаборатории. Немного времени пройдет — и руками этих людей будут выведены новые виды растений, передвинуты границы произрастания злаков, цитрусовых и технических культур, выращены стада племенных быков, тонкорунных овец, табуны чистокровных рысистых коней.

По всей стране: от Карпат до Тихого океана, от льдов Арктики до Памира — идет соревнование на право участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1941 года. К этому стремятся и крестьяне новых советских республик в Прибалтике, и дагестанец-чабан, и ферганский хлопковод, и бессарабский виноградарь, и рыбак с Каспия. Об этом думает сибирский пасечник, конструирующий новые ульи где-то у отрогов Алтая. Мечтает об этом и гуцульский мастер, вырезающий на деревянной шкатулке советскую эмблему, и таджикская ковровщица, ткущая к Выставке гобелен с образом любимого Сталина.

Страна готовит к будущей Выставке новые чудесные экспонаты!

Е. Шевелева

ГОРОД ДРУЖБЫ

(На Выставке)

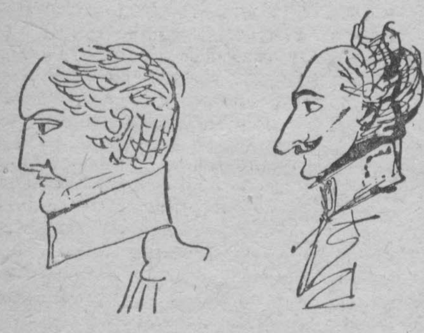
Лицо человека темно от загара:
Как будто он долго смотрел на восток.
Баранья папаха — колхозный подарок —
Похожа на белый махровый цветок.
В его стороне драгоценна вода.
Мой первый товарищ уехал туда.
Проходит туркмен мимо опытных пашен.
Вступает он в белый, сияющий дом.
Мешки — расписные тяжелые чаши —
До края наполнены солнцем-зерном.
Оно из селений, открытых ветрам.
Второй мой товарищ работает там.
Синеют арктических айсбергов склоны,
Ковры рассекает летящий узор.
Узбекского славного шолка коконы
Легки как прозрачный и хрупкий фарфор.
В киргизских степях нас встречает цветенье
Могучего мака, густого как лес.
Ты видишь величье, ты видишь значенье
Вот этого города, вставшего здесь.
Боец на заставе оружие чистит.
Крадется в лесу желтоватая рысь.
Амурской акации нежные кисти
С ветвями корейского кедра сплелись.
Преданье о битве там очень свежо.
Мой третий товарищ тот край бережет.
Ты прав, командир: я живу одиноко.
Гостей за столом даже в праздники нет.
Товарищ далеко. Подруга далеко.
Тебя я не видела тысячу лет.
Но дружба крепка. И в ее постоянстве
Уверит нас хлеб, принесенный сюда,
Скрещенье ветров, столкновение странствий,
Любимого Дона большая вода

М. Беляев

ПУШКИН В БЕССАРАБИИ

Вновь воссоединенная с Союзом ССР Бессарабия связана с жизнью и творчеством величайшего русского поэта Пушкина, который был сослан туда правительством Александра I. Пушкин провел в Кишиневе почти три года—с 21 сентября 1820 года по 3 июля 1823 года.

По словам Карамзина, Пушкин был сослан за то, что, «служа под знаменем либералистов, написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. и проч.». Под этим Карамзин разумел: оду «Вольность»—с ее пламенным осуждением тирании; стихотворение «К Чаадаеву», исполненное тех же чувств; «Noël»—с насмешкой уже лично над Александром I; «Деревню»—с ее протестом против крепостного права; эпиграммы на всесильного Аракчеева, а также те крылатые слова Пушкина, которые в

Слева: И. Н. Инзов, справа: князь Александр Ипсиланти.

Рисунки А. С. Пушкина

то время во множестве ходили не только по Петербургу, но и по всей России.

Сначала кара готовилась суровая—ссылка в Сибирь. Однако друзья и благожелатели Пушкина: Чаадаев, Карамзин, Гнедич, Энгельгардт— постарались смягчить первоначальную суровость, и 6 мая Пушкина высылают в распоряжение попечителя колоний южного края генерала И. Н. Инзова, вскоре затем назначенного наместником Бессарабии.

Во времена Пушкина Кишинев, резиденция Инзова, представлял весьма своеобразную картину, по-восточному пеструю, изобилующую контрастами. Новая, европеизированная часть города едва лишь начинала строиться. Бо́льшая же его часть состояла из узких, кривых, грязных улиц, наполненных пестрой, разноплеменной, шумной толпой молдаван, румын, греков, евреев, болгар, турок, украинцев и, наконец, русских, которые по преимуществу были либо военными либо чиновниками.

Инзов, уведомленный письмом графа Каподистрии о том, что представляет собой Пушкин, отнесся к поэту внимательно и заботливо. Он поместил Пушкина в двух комнатах своего дома. Сохранилось и описание этих небольших, простых комнат, сохранились и два рисунка поэта, из которых один изображает окно с решоткой, а другой—вид из окна на сад, ближнее селение и далекие горы.

Вид из окна комнаты Пушкина в доме Инзова в Кишиневе.

Рисунок А. С. Пушкина

Решив подойти к «нравственному перевоспитанию» Пушкина исподволь, Инзов не стал докучать поэту ни казенной работой, ни дисциплиной. Он поручил ему переводить на русский язык сборник молдавских законов, часто отпускал его в длительные отпуска, а за проступки и разные похождения либо только журил либо отнимал сапоги и сажал под домашний арест. По поводу одного из таких арестов Пушкин написал стихи, на полях которых зарисовал и виновников этой истории—молдавского боярина Балши и его жену.

Инзов с трогательной наивностью водил Пушкина с собой на похороны митрополита, заставлял говеть, но из этого ничего не вышло, кроме поэмы «Гавриилиада», насмешливых стихов да рисунка, изображающего молящихся в церкви. Будучи масоном, Инзов ввел Пушкина в масонскую ложу «Овидий», которую как раз в это время открыл в Кишиневе генерал Пущин—этот «грядущий... Квирога» (по выражению Пушкина),—сразу же придавший вновь открытой ложе политический оттенок.

Местное кишиневское «общество», в основе своей состоявшее из молдавских бояр, а частью из богатых греков, армян и румын, не отличалось петербургской чопорностью и замкнутостью, а потому Пушкин быстро стал там завсегдатаем, находя среди местных красавиц предметы своих мимолетных увлечений, а среди их мужей—предметы своих эпиграмм и шуток.

По воскресеньям, «раззевавшись от обедни», Пушкин прямо из собора ехал в дом губернатора Катакази, где встречал и «пучеглазую Тарсис» Катакази, и Пульхерицу Варфоломей, и Марию Балши, с мужем которой Тодораки он повздорил, и Анику Сандулаки,—словом, все то кишиневское «общество», над которым он так зло шутил и в стихах и в карикатурах.

Но не одни только шутки и шалости в этом полувосточном, пестром и не слишком культурном кругу занимали время и мысли Пушкина.

В то время в Кишиневе и вокруг него стояла 2-я русская армия — «Витгенштейновы дружины», как называл ее Пушкин по имени главнокомандующего. Во 2-й армии в это время зародилось и крепло будущее Южное общество декабристов. В самом Кишиневе жил командир дивизии генерал М. Ф. Орлов, прозванный «дядькой декабристов».

Слева: М. Ф. Орлов, справа: В. Ф. Раевский.

Рисунки А. С. Пушкина

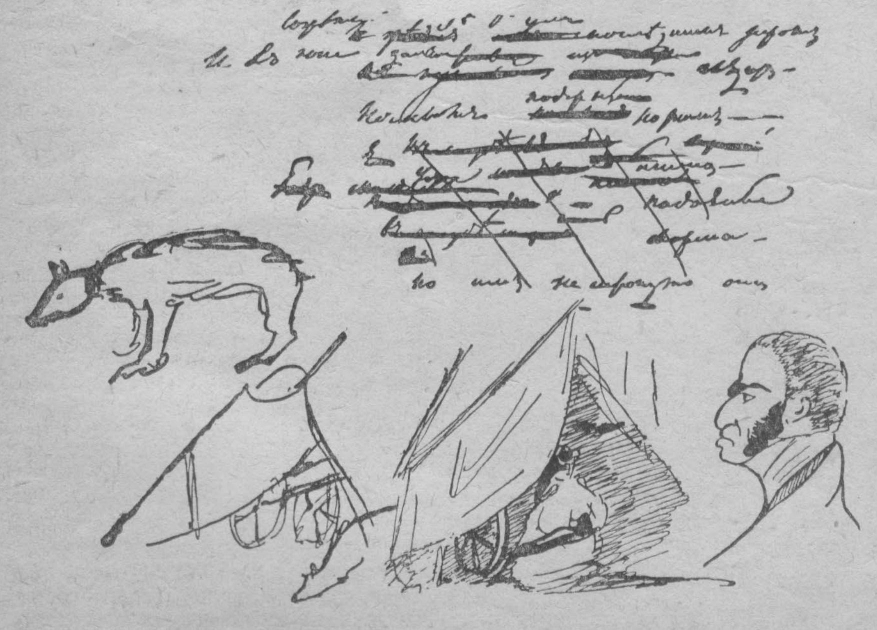
Женат он был на Ек. Н. Раевской. Оба они были люди, близкие Пушкину. У Орлова адъютантами служили два откровенных радикала—К. А. Охотников и так называемый «первый декабрист» В. Ф. Раевский. Приезжал в Кишинев и сам глава Южного общества—П. И. Пестель. Из Кишинева Пушкин ездил в длительную побывку в Киевскую губернию, в Каменку, имение братьев Давыдовых, из которых один—Василий Львович—был тоже декабристом. Во всех этих домах Пушкин бывал как свой, близкий человек. При нем говорили и спорили, не стесняясь, правда, все же не открывая ему самого существования тайного общества, вероятно, из нежелания подвергать его опасности.

Пушкин жадно слушал кипевшие вокруг него споры и сам кипел, так как страстно любил свободу и не переносил никакого гнета. Со своей вечной жаждой знания он постоянно искал, чему бы мог еще научиться, вызывал на споры, выспрашивал, читал. Со свойственной ему непосредственностью он, ничуть не задумываясь, где бы ни случилось, высказывал вслух свои мысли, резко порицая крепостное право, осуждая правительство. «Пушкин ругает публично и даже в кофей-

Кишиневские типы. Среди них дважды повторенный портрет кишиневского губернатора Катакази (внизу).

Зарисовки А. С. Пушкина.

Автоиллюстрации А. С. Пушкина к «Цыганам».

ных домах не только военное начальство, но даже и правительство»,—доносил правительству секретный агент; а П. И. Долгоруков, встречавший Пушкина у Инзова, добавлял: «Пушкин ругает правительство, помещиков, говорит остро, убедительно, а за стульями слушают и внимают соблазнительным мыслям и суждениям...»

Типы греческих гетеристов.

Зарисовки А. С. Пушкина.

Столь же чутко относился Пушкин и к освобождению Греции, являясь как бы непосредственным свидетелем его, так как «безрукий князь» Александр Ипсиланти и разрозненные отряды греческих гетеристов (повстанцев) как раз в это время находились в Кишиневе. К ним Пушкин обращал свои стихи, их зарисовывал в своих черновых тетрадях.

Были в это время в Кишиневе и люди, вроде И. П. Липранди, обладавшие большими познаниями в самых различных областях. У него была обширная библиотека, которой пользовался поэт. С Липранди Пушкин мог говорить на самые разнообразные темы, пополняя свои знания. С ним же и путешествовал он по Бессарабии, посетив Бендеры, Каушаны, Паланку, Аккерман, Шабо, Татарбунар, Измаил и некоторые другие места, всюду интересуясь как настоящим, так и прошлым Бессарабии, начиная с легендарной ссылки туда римским императором Августом поэта Овидия, с которым в этом отношении Пушкин любил сближать свою судьбу.

Пушкин записывает исторические песни Молдавии и их старинные предания «Дука» и «Дафна и Дабиджа», которые являлись первенцами пушкинской прозы, к сожалению, утраченными. Интересовала его история бессарабских гайдуков—Урсула и Кирджали; о последнем он начал даже писать повесть. Встретив однажды цыганский табор, Пушкин пробродил с ним несколько дней по степи, в результате чего мы имеем одну из самых прекрасных его поэм—«Цыганы», автоиллюстрации к которым и приводим здесь.

В Кишиневе Пушкин написал навеянные ему путешествием по югу России поэмы: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники»—и начал писать «Евгения Онегина»; из стихотворений: «Черная шаль», являющееся вольным переводом-подражанием местной песне; «Узник» и «Кинжал», характеризующие его тогдашние настроения; «К Овидию» и множество других.

К. Томашевский

«ГОРОД НА ЗАРЕ»

Фото Р. Бенарио

Тайга.. Глухая, бескрайняя. Ни дорог, ни проталин. Волчьи тропы, медвежьи пролазы, а человеку — только Амур, грозный в ненастье и «чудный при тихой погоде». Это единственный выход в мир: Хабаровск, Москву, далекий и милый Саранск.

Комсомолец Зяблик — мечтатель. Маленький, неуклюжий, в огромных очках и надвинутой на глаза кепке, он, как ребенок, перерядившийся взрослым, нелеп и забавен. И, когда он говорит о своем Саранске как о лучшем городе мира, над ним смеются и потешаются...

Теперь у Зяблика другая мечта. О славном городе обороны. О детище комсомола. О новом городе на Амуре. Он будет прекрасен, этот город. Геометрически четок, как Ленинград. Люден и залит огнями, как Москва. Лучше всех других городов Советской страны... Лучше Саранска.

И Зяблик грезит. У поворота реки мелькнули огни уходящего парохода. Прощально всплакнула и залилась, надрываясь, сирена. Порвалась последняя связь с дорогим, родным и далеким. Но Зяблик видит другое: стрелы проспектов, окружности площадей, зеленые ленты бульваров.

Актер воплощает мысль драматурга. Образ, созданный им,— не его родное дитя. Не кровный, а приемный ребенок. И никогда не было так, чтобы все исполнители пьесы органически были связаны с творимыми ими ролями.

Можно ли строить сценический образ иначе? Можно. Для этого нужно только одно—чтобы актер в своей работе над ролью шел примерно тем же путем, каким идет драматург. Лучше всего это удается тогда, когда весь коллектив театра будет не только играть, но и создавать пьесу с первого же ее явления, с первого слова...

Кружок молодежи, как-то сам собой сложившийся в спорах о новом театре, поставил перед собой эту невыполнимую с виду задачу. Не было у них ни денег, ни крупных артистических сил, ни даже сценической площадки. Было у них только одно — дерзкая мысль о театре подлинной новизны и большая требовательность к самим себе и к искусству актера.

И вот летом 1938 года началась эта работа. На голом месте.

Тему «Город на заре» — о первых днях строительства Комсомольска — искать не пришлось: она уже владела умами зачинателей-комсомольцев. Каждый из них видел и ощущал себя аргонавтом, строителем, пионером. Первые абрисы будущей пьесы уже намечались. И вот одна за другой стали поступать творческие заявки на роли в этой, еще не написанной пьесе.

Больше всего было в них «зябликов». Романтическая идея сквозила чуть ли не в каждом предложенном персонаже. Но в каждой заявке было и свое, интимное, личное. Осмыслить и выделить эти типические черты — так начиналась работа над образом.

Но образы — это еще не пьеса. Вторым этапом работы было создание ряда этюдов, первые линии сюжетного построения пьесы. Над этюдами работал уже не весь коллектив, а специально выделенная для этого литературная бригада. Она изучила все материалы о строительстве Комсомольска (газетные, литературные, судебные и т. п.). И вот из этюдов, которые сценически проверялись и после проверки отделывались и дополнялись, возник черновой вариант первой картины пьесы.

Литературная и сценическая работа над ней шла параллельно. Чтобы упорядочить эту работу, драматург А. Н. Арбузов написал примерный сценарий. Вслед за первой картиной последовала вторая, потом — третья и, наконец,— вся пьеса.

«Город на заре» — не только рассказ о строительстве Комсомольска: это прежде всего пьеса о людях второй пятилетки.

Вот первый секретарь партийной организации стройки — тщеславный и черствый в своем отношении к людям Борщаговский (А. Гинзбург). Руководит он директивами, выполняет задания бездушно и сухо. Это карьерист и пролаза.

Комсомолец Жмельков, напротив, дурное и чуждое, то, что в нем от единоличной деревни, легко изживает в коллективе строителей. Больше того: он обретает самое ценное качество подлинного большевика,— уменье предвидеть и, не обольщаясь первой удачей, добиваться все новых и новых успехов.

Сцена из 8-й картины пьесы «Город на заре».

Вениамин Альтман (З. Герут) — рядовой комсомолец. Таких, как он, Борщаговский в своей тщеславной мечте добиться громких, невиданных успехов довел до полного изнеможения, физического и морального. И Альтман бежит со строительства. Только оставшись с глазу на глаз со своими товарищами по побегу и познав всю низость этих перерядившихся в комсомольцев людей, он совершает свой второй побег: обратно на стройку. И, как ни безнадежна попытка добраться до лагеря в пургу, без компаса, без дороги, Альтман в этом своем решении первый раз в жизни непреклонен и тверд.

Зяблик — мечтатель. Он трогателен, забавен, но какая польза от всех его химерических проектов? Один из них — взорвать прибрежную скалу, чтобы отвести паводок от участка Жмелькова, — привлекает внимание Борщаговского. Борщаговский завладевает планом взрыва, чтобы помешать его осуществлению. Но когда воды паводка отрезали обреченных на гибель людей, Зяблик все же взрывает скалу, спасает товарищей и... гибнет.

Другие образы пьесы: Белка Корнева (Л. Нимвицкая), Маруся Скворцова (М. Новикова), Белоус (П. Дроздов), Зорин (А. Соболев) и другие — так же правдивы и жизненны.

Спектакль неотделим от пьесы. Он не менее романтичен и еще более правдив, ибо в судьбе героев пьесы и ее актеров много общего: как и строители Комсомольска, они все же добились своей цели. Какое-то новое слово в искусстве сказано. И сказано громко, убедительно, ясно.

В спектакле не все одинаково ценно. В пьесе много длиннот. В режиссерской работе над ней (В. Н. Плучека) немало спорного, ненужного, лишнего. Но отдельные сцены и такие образы, как Зяблик (Селескериди) и Жмельков (Потемкин), настолько «от жизни», что почти невозможно отделить актера от роли, представить себе какую-либо другую, хотя бы минимально убедительную ее трактовку.

«Город на заре» показывается сейчас еще в черновом своем виде. Сцена театра и его зрительный зал — одна из комнат 133-й школы МОНО. Ни занавеса, ни декораций. Декорации заменила классная мебель. Костюмы в такой же мере условны. Световых эффектов почти нет.

И несмотря на это вы воспринимаете спектакль как нечто законченное и цельное. Он волнует и покоряет своей непосредственной правдой, поэзией и той устремленностью в будущее, без которой нет и не может быть подлинного советского и по-настоящему нового театра.

Эпизод «На крыше». Оксана — А. Тормозова. Зяблик — М. Селескериди.

За рубежом

СУДЬБА «ДЖИОКОНДЫ». Как известно, во время итальянских походов Наполеон захватил в Италии и отослал во Францию ряд картин итальянских мастеров; эти картины находятся в Луврском музее в Париже.

Орган римского университета «Фашиста» поместил недавно специальную статью об итальянских картинах в Лувре, требуя возврата картин Леонардо да Винчи и Тициана. Газета указывает, что накануне нынешней войны все эти произведения искусства были тщательно упакованы французами и перенесены в безопасное место для предохранения их от разрушения во время воздушных налетов и бомбардировок. Газета подчеркивает, что возврат картин очень легко осуществить, так как их можно переслать в Италию в тех самых ящиках, в которых они находятся и сейчас.

Газета «Нью-Йорк таймс» указывает, что в свое время итальянские искусствоведы неоднократно поднимали вопрос о возвращении Италии луврских картин, в частности знаменитой «Джиоконды» Леонардо да Винчи.

КИНО В ИНДИИ. По свидетельству индийского журналиста К. Ахмеда Аббаса, опубликовавшего статью об индийском кино в журнале «Лайф энд Леттерс», за последние пять лет наибольшим успехом в Индии пользуются картины, затрагивающие насущные социальные проблемы.

Фильм «Девадас», рисующий трагедию индийской молодежи, вынужденной заключать брак по воле родителей, с колыбели предназначающих детей друг для друга, явился «родоначальником» целой серии фильмов на эту тему. Фильм «Дочь парня» затронул другую проблему, тоже очень острую для молодежи Индии,— о запрещении браков между юношами и девушками, принадлежащими к разным кастам. Но эти фильмы только критиковали действительность, не показывая выхода из нее; в них зритель видел только жертвы, не борцов.

Новым этапом явился фильм «Неожиданность», в котором показана девушка, вынужденная выйти замуж за старого нелюбимого человека, но отказывающаяся стать фактически его женой.

Этот фильм явился для индийских женщин действительно неожиданностью — призывом к борьбе всеми средствами с бесчеловечными и унизительными законами старого быта.

— Нужно знать,—замечает Ахмед Аббас, — какую бездну горя и страданий причиняет этот быт, сколько он губит прекрасных человеческих возможностей, сколько коверкает жизней, чтобы понять, какое значение имеют в Индии фильмы, посвященные проблемам брака и семьи, и какую революционизирующую роль они играют, хотя сами по себе в большинстве случаев вовсе не революционны, а лишь умеренно-либеральны.

Диапазон тем индийского киноискусства не исчерпывается этими проблемами. Оно разоблачает ханжество жрецов, вождей религиозных сект, рисует тяжелую судьбу крестьянства Индии, конфликт «отцов и детей», ведет борьбу против пьянства, разъясняет, как нужно бороться с туберкулезом. Во многих картинах затрагивается конфликт между трудом и капиталом. Но делать это удается только в самой сокровенной форме. Первая же картина, которая ставила этот вопрос прямо и открыто («Фабрика»), была запрещена сразу после выхода ее на экран.

«СТРАННАЯ БОЛЕЗНЬ». Недавно в голландской газете «Де локомотив» появилась корреспонденция из Индонезии, в которой приводится типичный эпизод из жизни этого богатейшего и плодороднейшего края.

Однажды один из яванских сахарозаводчиков заметил, что отходы из сахарного тростника, которыми он пользовался для отопления, все время уменьшаются. Выяснилось, что окрестные бедняки тащили украдкой этот мусор и варили из него похлебку.

Журналист, описывающий этот случай, добавлял: «Эту «кашу» ели для того, чтобы не чувствовать в желудке боли от голода. Такую пищу можно с одинаковым успехом изготовить из любого сухого дерева или шпалы узкоколейки».

Другой голландский журналист рассказывает, что в одной из деревень острова Явы появилась странная болезнь, от которой крестьяне мрут, как мухи. Заподозрев чуму, местные голландские власти немедленно отправили в деревню врачебную комиссию. Оказалось, что болезнь, получившая название «Хонгеруде-ем», вызвана употреблением в пищу беднягами гнилых овощей, выбрасываемых торговцами на берег реки.

Автор корреспонденции сообщил об этом случае не для того, чтобы подчеркнуть тяжелое положение индонезских крестьян, а чтобы показать, в каком «тяжелом» положении находятся голландские торговцы, которые-де несут большие убытки в связи с тем, что население не в состоянии покупать даже дешовых корнеплодов.

Симптомы «новой» болезни, по словам голландских буржуазных журналистов: натянутая на ребрах кожа, отеки рук и ног. Больной своим внешним видом напоминает высохший скелет.

Голландские газеты сообщают, что власти Индонезии открыли кое-где лечебные пункты, где больные получают немного пищи. Работе мешает, по словам газет, «неорганизованность» больных. Они являются в таком количестве, которое в сотни раз превышает пропускную способность «лечебных пунктов».

Англо-германская война. Корабли, затопленные на рейде Калэ, французского порта на берегу Ламанша, напоминают о майской эвакуации английских войск из Северной Франции.

Новое в науке и технике

ТЕЛЕВИДЕНИЕ С ВОЗДУХА. Недавно на одном американском самолете был установлен аппарат, передающий изображение на расстояние. Самолет с этим аппаратом поднялся над Нью-Йорком и передал изображение на расстояние в 130 миль.

Как сообщает английский журнал «Флайт», военные эксперты обсуждают возможность установки таких аппаратов на разведывательных самолетах.

ПРОТИВОГАЗ С МИКРОФОНОМ. В Венгрии сконструирован противогаз с вмонтированным в него микрофоном. Противогаз снабжен также небольшим усилителем и громкоговорителем.

Новый противогаз предназначен для командного состава противовоздушной и противохимической обороны, пожарных и т. д. Опыты, предпринятые с этим противогазом, дали удовлетворительные результаты.

КОСТЮМЫ ИЗ АЛЮМИНИЯ. В Англии изобретена новая материя для одежды — алюминиевое сукно. Одежда из этой материи имеет те же свойства, что и обыкновенный термос. Она удерживает постоянную температуру, хорошо защищает от холода и жары.

Как установлено опытами, предпринятыми Лондонской школой тропической медицины и гигиены, новая материя вполне отвечает всем этим требованиям. К тому же она очень прочна. Материя будет применяться также для обивки стен корабельных кают.

ОВОЩИ И ЯГОДЫ — БЕССЕМЯНКИ. Немецкий журнал «Коралле» сообщает о методах превращения ряда овощей и ягод в бессемянные с помощью применения различных химикалиев, в частности фениловых и индоловых кислот.

Один из этих методов заключается в индивидуальной обработке каждого бутона ягодного или овощного растения кислотой. Цветы томатов, подвергавшиеся такой обработке, дали хорошие плоды, ничем не отличающиеся от обычных томатов, кроме отсутствия в них семян, которые совершенно ненужны в овощах, рассчитанных на потребление. Мякоть таких томатов сочнее, ее приятнее есть. Но, конечно, такой метод неприменим на обширных плантациях. Там применяется опрыскивание цветов раствором кислоты. С помощью этого метода удалось получить бессемянные ягоды земляники и крыжовника, а также некоторые овощи.

ПЛАНТАЦИИ ШИПОВНИКА. Как известно, плоды шиповника богаты витамином С. В Германии в широком масштабе проводятся сейчас мероприятия с целью способствовать распространению шиповника. Существующее в Германии общество «Питательные вещества из леса» выдало центральному управлению железных дорог, в ведении которого находится сельскохозяйственное и садоводческое использование железнодорожных земель, 400 тысяч корней рассады шиповника. Уже в прошлом году в различных областях Германии, например в Тюрингии и Гольштейне, были выращены обширные плантации шиповника. Германское ведомство лесного хозяйства также принимает активное участие в этом деле.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» № 37—38. Л. Н. ТОЛСТОЙ. Т. II. Издание Академии наук СССР.

Скоро исполняется тридцать лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого. За годы советской власти издано большое количество новых текстов великого русского писателя и исследовательских работ о нем. И все же к тридцатой годовщине смерти Л. Н. Толстого литературное наследие его далеко не исчерпано.

Рецензируемый том «Литературного наследства» — богатый и интересный по своему содержанию — посвящен Л. Н. Толстому. Помимо ряда неизданных статей, дневников, отрывков из записных книжек Толстого в этом томе напечатана обширная переписка писателя со Страховым, Фетом, Третьяковым, С. В. Соловьевым, Н. Е. Федосеевым, Эдиссоном, Ганди, Голохвостовым и другими современниками.

Воспоминания людей, близких к Льву Николаевичу, содержат большое количество высказываний Толстого о литературе и искусстве. В этом разделе мы встречаем много интересных упоминаний о Пушкине, Лермонтове, Тургеневе, Чехове. Особенно ценны те высказывания Толстого о задачах литературы и искусства, где он подчеркивает их высокое общественное назначение. В книге разбросано много характерных деталей о творческом методе самого Толстого, об оценке им собственных произведений.

Письма Л. Толстого поражают прежде всего разнообразием адресатов. Кому только Толстой не писал в своей жизни! Вот Н. Е. Федосеев — один из выдающихся пионеров революционного марксизма в России, тип революционера, «всецело преданного своему делу», как характеризовал его Владимир Ильич Ленин. В сибирской ссылке Федосеев встретился с духоборами, и это явилось поводом к переписке с Толстым. Федосеев сообщил Льву Николаевичу о положении его единомышленников в Сибири. Эти письма вызвали у Толстого интерес к самому Федосееву, и в последнем письме он спрашивает его: «Кто вы? За что сосланы? Какое теперь ваше положение? И какое ваше душевное состояние? Если вам не неприятно ответить на эти вопросы, то буду благодарен вам». Трагическая гибель Федосеева оборвала эту переписку.

Вот другой ссыльный рабочий — С. И. Мунтьянов, революционер, вступивший в полемику с Толстым. На указание Толстого, что насилие может «только отдалить желаемое состояние», Мунтьянов отвечал: «Я бы лично, да и многие другие, например, с-д. все положительно желали, чтобы наша революция обошлась бы без крови, но ведь это невозможно и никогда наше правительство на уступки не пойдет, это вам, конечно, известно; хотя бы осталась у него только одна тысяча солдат и то оно будет драться до последнего». Любопытны строки из письма Мунтьянова от 23 февраля 1910 года: «Нашелся бы во время революции хороший вожак, а нас, организованных и сознательных, не проведут ни буржуа, ни правительство и никто другой. Это, Лев Николаевич, не французская революция и не германская, когда там народ, свергнув правительство, был обманут либералами или вот такими, как наши к-д., благодаря их темноте».

И рядом с этим письма Л. Толстого к великому князю Николаю Михайловичу и Столыпину, письма, в которых великий писатель со свойственной ему страстностью пытается убедить тигров в пользе вегетарианства. Ярых врагов крестьянства Толстой уговаривает отказаться от земли и помещичьих привилегий. Но Толстой даже не получил ответа от царского министра.

Воспоминания сына писателя С. Л. Толстого «Об отражении жизни в «Анне Карениной» раскрывают метод работы Льва Николаевича над этим реалистическим романом. С. Л. Толстой удачно связал ряд эпизодов и образов из «Анны Карениной» с действительно имевшими место фактами и людьми, которые встречались Льву Николаевичу на его жизненном пути. Столь же интересны и статья художника Л. О. Пастернака «Как создавалось «Воскресение», воспоминания студента В. Ф. Лазурского и писателя А. В. Жиркевича.

Нет, конечно, возможности в небольшой журнальной заметке исчерпывающе характеризовать содержание большого тома, удачно составленного и хорошо изданного. Книга дает читателям много нового, интересного и ценного для понимания творчества и жизни великого русского писателя.

Н. РОСТОВ

МОЖЕТ ЛИ РЫБА ЗАДОХНУТЬСЯ В ВОДЕ? Любителям, разводящим экзотических рыбок в аквариуме, не раз приходилось наблюдать, как дышат эти рыбки. Они поднимаются к поверхности воды, высовывают рот, несколько секунд набирают воздух и затем опускаются на дно аквариума.

Оказывается, что не все рыбы живут в одинаковых условиях. Одним приходится жить исключительно в воде, а другим и в воде и на суше, и к условиям жизни приспосабливается их организм. Во многих жарких странах во время засухи водоемы высыхают. Единственным спасением для рыб, которые там водятся, является возможность зарыться в ил. Воздух проникает через ил, в специально проделанные рыбами ходы и достигает ротового отверстия рыб. В таком положении рыбы находятся до той поры, пока дожди вновь не наполнят водоемы.

В пресных водах Индии, Бирмы, Зондских и Филиппинских островов водятся рыбы, которые переползают из одного водоема в другой. Называется эта рыба анабас и достигает длины до двадцати сантиметров.

В борьбе за существование у анабас, кроме жабр, которыми они дышат в воде, в жаберной полости постепенно развились завитушки, напоминающие лабиринт. Этот орган исполняет роль легких и дает возможность рыбам дышать воздухом. Отсюда произошло и самое название — лабиринтовые рыбы. У нас в аквариумах разводятся лабиринтовые рыбы: макроподы, гурами и другие.

Если в аквариуме, где находится макропод, натянуть проволочную сетку, то мы вскоре заметим некоторое беспокойство в поведении рыб. Сперва макроподы пытаются проникнуть сквозь сетку, затем медленно начинают опускаться на дно и через несколько секунд стремительно поднимаются кверху. Такие движения рыбы проделывают несколько раз, и приблизительно через полчаса они мертвы. Этот опыт ясно показывает, что рыбы, не имея возможности высунуться на поверхность, задохнулись в воде.

На Суматре, Яве и Борнео водится бойцовая лабиринтовая рыбка, прославившаяся тем, что за обладание самкой между самцами происходят драки, причем соперники ранят друг друга смертельно. Эта рыбка получила широкое распространение в Сиаме, там даже устраивают зрелища этих боев. Сиамцы ставят рядом две банки с бойцовыми самцами и, когда самцы в достаточной степени возбуждены, их пускают в аквариум, где происходит бой, а любители этого странного азарта устраивают тотализатор.

Раньше считалось, что этих рыб нельзя разводить в аквариумах, и потому любители таких боев привозили их в Сиам морем. Когда партии бойцовых рыбок попадали в бурю, то они погибали. При сильной качке в сосудах колыхалась вода и рыбки не имели возможности высунуть рот и набрать воздух. Обычно смерть объясняли переменой климата или воды, но никто не предполагал, что рыбы просто задохнулись.

Теперь уже научно установлено, что рыбы в аквариумах, в особенности лабиринтовые, при недостатке кислорода могут задохнуться.

Л. ШТРАНДТ

ПАВИЛЬОН «ФИЗКУЛЬТУРА». В сущности, это не павильон, а целый физкультурный городок, раскинувшийся в самом отдаленном тенистом уголке Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, в ее запрудной части. Новый павильон, названный так, очевидно, лишь по аналогии с другими строениями Выставки, открылся ко Дню физкультурника. На его обширной территории оборудованы теннисный корт, баскетбольная, городошная, волейбольная и гимнастическая площадки.

Вокруг центрального стадиона, предназначенного для показательных выступлений мастеров и состязаний колхозных спортсменов, полукольцом высятся белые скульптуры: альпинист, пограничник с собакой, теннисистка, легкоатлет, толкающий ядро, девушка, занесшая руку с диском... Яркие, многоцветные флаги спортивных обществ колышатся над трибунами, вмещающими 1200 зрителей.

В главном здании устроены комфортабельные раздевалки, душевая, комнаты отдыха. В отдельном зале демонстрируются все виды спортивного инвентаря: разнообразнейшие костюмы, обувь, перчатки, сетки, мячи, снаряды. Здесь же экспонированы макеты лучших спортивных сооружений колхозов. Вот отличная водная станция: бассейн для соревнований, шлюпки толпятся у причала, и, кажется, крохотный диктовый парусник скользит по синему стеклу. Вот двое лыжников мчатся с горы от зимней базы мимо заиндевевших деревьев к замерзшей реке.

Красочные стенды, посвященные всем нашим союзным республикам, многочисленные щиты, заполненные фотографиями и цифрами, отражают достижения семисоттысячной армии физкультурников социалистической деревни, учат овладевать комплексом «Готов к труду и обороне». 94 физкультурных коллектива из 17 360, существующих в колхозах, совхозах и МТС, — лучшие из лучших — занесены на доску почета, возвышающуюся у входа на стадион.

САМЫЙ БЫСТРОНОГИЙ МАЛЬЧИК. Два года назад на зеленом лугу в Лосиноостровском, под Москвой, группа ребятишек гоняла футбольный мяч. В этой веселой компании выделялся тринадцатилетний паренек Борис Тарелкин. Он бегал быстро, легко, красиво. Игрой подростков заинтересовался какой-то молодой человек, очевидно, физкультурник. Когда ребята устали и расположились на отдых, молодой человек подозвал к себе быстроногого паренька и предложил ему заниматься физкультурой на стадионе «Динамо» в Москве.

Эти слова запомнились Борису, и осенью, возвратившись из пионерского лагеря, Боря Тарелкин пошел на стадион. Здесь он познакомился с ребятами из «Юного динамовца», с их преподавательницей Зоей Георгиевной Романовой и стал одним из ревностных посетителей физкультурных занятий. Прошел год — и Зоя Георгиевна позволила Борису участвовать в детских спортивных соревнованиях. Первый раз он выступал неуверенно и занял 2-е место. Однако уже через месяц ему удалось показать лучшие результаты, и он установил всесоюзный рекорд для мальчиков в беге на 60 метров. В течение лета Борис несколько раз улучшал этот рекорд и кроме того установил несколько новых.

Сейчас Борису Тарелкину принадлежат 4 всесоюзных рекорда для мальчиков в беге на 60, 100, 200 и 500 метров.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

ТУРНИР МОЛОДЕЖИ

Закончились турниры кандидатов в шахматные мастера. Сорок лучших молодых шахматистов страны в четырех группах провели соревнование, в результате которого победители получают звание мастера.

В каждую группу были включены по два шахматных мастера, задача которых заключалась в том, чтобы быть «экзаминаторами» молодежи. Однако некоторым «экзаминаторам» пришлось потерпеть поражения от экзаменуемых.

В первой группе известные мастера Юдович и Чеховер оказались лишь на четвертом и шестом местах.

Победу одержали Мурзин (Харьков) — 8 очков из 11, Копаев (Воронеж) и Кузьминых (Ленинград) — по 7½ очков из 11; выполнив установленную очковую норму, они получили звание мастера.

Во второй группе впереди мастер Вересов — 7½ очков.

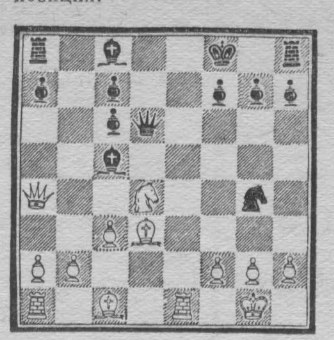
В третьей группе победу одержал мастер Белавенец, набравший 8½ очков из 11.

Но и здесь на втором месте кандидат Шейдеман (Ленинград), набравший 7½ очков. Участник первенства СССР ленинградец Шамаев оказался на одном из последних мест.

И только в четвертой группе значительная победа досталась мастерам. Бондаревский занял первое место с рекордным результатом — 9½ очков; на втором месте Толуш — 7½ очков. В этой группе мастера «отняли» все очки и не дали возможности никому из кандидатов набрать норму для звания мастера.

Турнир дал много интересных партий, насыщенных оригинальными идеями, тонкими комбинациями, блестящими жертвами.

В партии Юдович — Копаев создалась следующая позиция:

Защищаясь от угрозы 1... Ф : h2+, белые сыграли хитро

1. Сс1—f4 . . . . ,

рассчитывая после 1. Ф : f4 2. Ке6+ выиграть ферзя.

Однако Копаев рассчитал значительно дальше:

1. . . . Фd6 : f4!
2. Кd4—е6+ Сс8 : е6
3. Фа4 : f4 Кg4 : f2!,

такой неожиданности белые не предвидели. Лучшим шансом для них сейчас было 4. Ф : f2,— отдать назад ферзя и остаться в эндшпиле без пешки. Но они не хотят отдать такую фигуру, как ферзь, и быстро гибнут.

4. Крg1—f1 Кf2 : d3
5. Фf4—е4 Кd3 : е1
6. Фе4 : с6 Се6—с4+
7. Крf1 : е1 Ла8—е8+

Теперь у черных уже материальный перевес, и их задача — спасти своих неудачно расположенных слонов.

8. Кр1—d1 Ле8—d8+
9. Крd1—е1 Лd8—е8+
10. Кре1—d1 Сс4—е2+
11. Крd1—d2 Сс5—d6

Два слона и ладья значительно сильнее ферзя. Дальнейшая часть партии—лишь техническая стадия реализации материального перевеса черных. Через несколько ходов белые сдались.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» А. ШЕСТОВ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Рыба.
4. Минерал.
8. Невольник.
11. Коляска.
12. Автор письма или сочинения, скрывший свое имя.
14. Шерстяная ткань.
15. Связь между звуками в музыкальном произведении.
17. Старинный кубок.
19. Двигатель.
21. Растение.
22. Глауберова соль.
24. Песчаный нанос на побережье.
25. Мусор.
26. Пловучий знак для указания фарватера.
27. Подневольный в древней Руси.
29. Железный крюк, употребляемый на судах.
30. Род обезьян.
32. Бог грома в скандинавской мифологии.
34. Часть поезда.
36. Ученый.
38. Звук.
41. Шведский полярный исследователь.
42. Непоседа.
43. Острова в Тихом океане.
44. Лес.
46. Толстая веревка.
47. Произведение Боккачио.
48. Ароматическая смола.
51. Состояние покоя.
52. Военный головной убор.
54. Герой поэмы Пушкина.
55. Немилость.
56. Город в СССР.
58. Герой обороны Севастополя.
61. Министр при Анне Иоанновне.
63. Преступник.
65. Правый приток Рейна.
66. Болезненное состояние.
68. Произведение Лермонтова.
71. Река в Европе.
73. Крупный голландский художник XVII века.
75. Мифический воздухоплаватель.
77. Древнейшее хоботное животное.
78. Знак препинания.
79. Несгораемый остаток при сжигании.
81. Геометрическое тело.
82. Речное животное.
83. Сторона треугольника.
84. Металл.
85. Советский писатель.
86. Крик животного.
87. Артиллерист.
88. Выемка в деревянных врубках.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Бабочка.
2. Цветок.
3. Наследственный задаток.
4. Цилиндрическое тело.
5. Полевое укрепление.
6. Город в Швейцарии.
7. Город на Урале.
8. Спиртной напиток.
9. Электрод.
10. Приток Дона.
11. Итальянский скульптор XVIII—XIX веков.
13. Миниатюрное государство.
14. Титул абиссинского наместника.
16. Крупнейший венгерский поэт.
18. Металл.
20. Болезнь.
22. Месяц.
23. Бог луны у древних египтян.
26. Шайка.
28. Моральный недостаток.
30. Произведение Горького.
31. Паровоз.
33. Химический краситель.
34. Цветок.
35. Шум.
36. Французский писатель XVII—XVIII веков.
37. Первый русский книгопечатник.
39. Японская мера веса.
40. Представитель одной из национальностей СССР.
44. Тембр мужского голоса.
45. Горный хребет в Германии.
49. Подарок.
50. Рыболовная снасть.
52. Животное.
53. Корабельная смола.
57. Представитель одного из индейских племен.
59. Народные собрания древних греков.
60. Вид театрального представления.
62. Русский поэт XIX века.
64. Один из мифических основателей Рима.
65. Отец Эдипа.
66. Рыба рода осетров.
67. Старинный женский головной убор.
69. Тара.
70. Шведский астроном XIX—XX веков.
71. Римский император начала нашей эры.
72. Одно из племен в Британской Индии.
73. Способ размножения клеток.
74. Древнеегипетское божество.
76. Прибор для замыкания или размыкания электрических машин.
78. Озеро в Абиссинии.
80. Добыча рыбы, зверя.
83. Наплыв на стволах деревьев.

Ответы на кроссворд, помещенный в № 26 журнала «Огонек»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Приток. 5. Акулина. 11. Тамара. 15. Оран. 16. Орава. 17. Межа. 18. Лорнет. 21. Трагант. 23. Рутина. 26. Юла. 27. Лекаж. 29. Север. 31. Рак. 32. Сена. 34. Тариф. 35. Песок. 36. Лава. 37. Нара. 39. Лак. 41. Нар. 42. Вена. 43. Аршин. 45. Зак. 47. Колит. 50. Аббат. 51. Ритор. 53. Нерон. 56. Иск. 58. Анатом. 59. Лопата. 60. Ода. 62. Тост. 64. Батат. 66. Амок. 67. Пион. 68. Эму. 69. Акт. 70. Один. 71. Юкон. 73. Рокот. 77. Анод. 78. Гам. 79. Танаис. 81. Сократ. 84. Ара. 85. Акаба. 87. Тенор. 89. Аврал. 92. Анонс. 93. Лот. 94. «Идиот». 96. Банк. 100. Сото. 102. Крит. 103. Нубия. 105. Рыбак. 108. Мрак. 110. Род. 111. Пакет. 113. Генри. 115. Оказия. 117. Сарафан. 120. Оракул. 122. Лида. 123. Ворон. 124. Сноб. 125. Сирота. 126. Кавалер. 127. Адонис.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Полюс. 2. Тон. 3. Орел. 4. Катет. 6. Коржик. 7. Ура. 8. Лаг. 9. Ива. 10. Нансен. 11. Терек. 12. Ажур. 13. Мат. 14. Атака. 19. Олень. 20. Рана. 21. Таран. 22. Тесак. 24. Иран. 25. Навар. 28. Калита. 30. Ворона. 33. Араб. 36. Лето. 38. Арба. 40. Пат. 42. Вира. 44. Шанс. 45. Зима. 46. Кола. 48. Лета. 49. Гит. 50. Аксиома. 51. Робурит. 52. Ротатор. 54. Номинал. 55. Мак. 57. Сопка. 61. Донор. 63. Тон. 65. Ток. 66. Ада. 71. Юг. 72. Жабо. 74. Осел. 75. Осот. 76. Кави. 79. Танк. 80. Нансук. 82. Радиан. 83. Трос. 86. Кант. 88. Нос. 90. Атом. 91. Оброк. 95. Боа. 97. Аида. 98. Митава. 99. Цыгане. 101. Трек. 102. Кросс. 103. Наяда. 104. Бес. 106. Бен. 107. Крона. 109. Колос. 111. Пиит. 112. Кара. 114. Ирод. 116. Зло. 118. Ров. 119. Фол. 121. Або.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР — И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», д. 24. Тел. Д 3-39-02, Д 3-36-95. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. ⅛ доля, 1½ бум. листа. Техредактор — А. Котельникова.

А 31680. Изд. № 950. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 2/VIII—40 г. Подписано к печати 14/IX—40 г. Зак. 2792. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НАРКОМПРОС РСФСР

ГОС. КУРСЫ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ **ИН-ЯЗ**

Москва, Кузнецкий Мост, 3, телефон К 3-90-42.

ПРИЕМ В ТЕЧЕНИЕ всего ГОДА

НА ОТДЕЛЕНИЯ

НЕМЕЦКОГО

и

АНГЛИЙСКОГО

языков

и на первый и второй курсы

ФРАНЦУЗСКОГО.

Программа первых двух курсов соответствует программе по языку полной средней школы, программа трех курсов — программе втузов и вузов.

Окончившим выдаются соответствующие свидетельства.

ИМЕЕТСЯ СПЕЦИАЛЬНОЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

Подробности в проспекте. Проспект высылается за 60 коп. почтовыми марками.

СПРАВКИ лично и по телефону с 13½ до 20 часов ежедневно, кроме общевыходных.

Ленинградское отделение курсов: **Ленинград, Апраксин пер., 2.**

●

Курсами выпущено и продается **ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ** по английскому и французскому языкам **НА ГРАММПЛАСТИНКАХ С РУКОВОДСТВОМ** по каждому языку.

Продажа производится в помещении курсов.

Стоимость комплекта из 6 двусторонних пластинок с руководством без пересылки: по английскому языку — 23 р. 50 коп., по французскому — 27 р. 50 коп.

ПЕРЕСЫЛКА ПОЧТОЙ ОДНОГО КОМПЛЕКТА — **11 р. 50 к.**

Заказы выполняются только по получении полностью стоимости с пересылкой. При заказе не менее 100 комплектов скидка: на граммпластинки 10%, на руководство 25%.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„МЕСТНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ"

орган НКМП РСФСР.

Основная задача журнала — содействие осуществлению решений партии и правительства о всемерном развитии местной промышленности и производстве товаров широкого потребления.

Развитие местной хозяйственной инициативы. — Организация новых и расширение существующих предприятий. — Использование местных ресурсов сырья, отходов и топлива. — Внедрение в производство новых видов изделий, расширение асортимента и улучшение качества вырабатываемой продукции. — Обобщение и передача методов стахановской и ударной работы. — Обмен организационным и хозяйственным опытом передовых промкомбинатов и предприятий. — Перенесение в местную промышленность достижений крупной государственной промышленности и лучших объединений промысловой кооперации. — Техническая учеба, подготовка кадров и другие актуальные вопросы работы местной промышленности.

●

Журнал систематически освещает состояние и развитие местной промышленности в отдельных краях, областях и автономных республиках РСФСР.

●

Журнал рассчитан на широкий актив хозяйственных и инженерно-технических работников системы местной промышленности.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—48 руб., на полгода—24 руб.

Подписавшимся на год высылаются все вышедшие номера.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ издательством Гизместпром. (Ленинград, ул. Союза связи, д. 2/9), а также «Союзпечатью» и во всех почтовых отделениях.

Своевременная подписка обеспечивает бесперебойную и акуратную доставку журнала.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН „ЛЕНКУЛЬТТОРГА"

Книги ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Описание со множ. фото, в переплете с золотым тиснением, изд. 1939 года. Ц. 7 р. 50 к.

Таблицы для подсчета веса материалов простейших профилей. 1939 год. Ц. 5 р. 30 к.

ВАРСАНОВИЧ. Номография. 1939 год. Ц. 4 р. 65 к.

БРОЙДО. Руководство по гипсовой формовке худож. скульптуры. 1937 год. Ц. 9 р.

ОРЛОВ. Отделка мебели. Ц. 7 р. 50 к.

«Дамские прически» — альбом в коленкоровом переплете. Ц. 25 р.

РУГИН. Учет хозяйств. производств. операций машиностр. и металлообр. пром. 1937 год. Ц. 6 р.

БЕГУН. Таблицы для ускорения составления смет и укрупн. изм. 1939 год. Ц. 15 р.

Таблицы расчета налога с оборота. 1939 год. Ц. 4 р. 65 к.

РУГИН. Учет, калькуляция и анализ себестоимости продукции литейного производства. 1937 год. Ц. 5 р. 25 к.

РИХТЕР и КАГАН. Оплата ИТР по результатам труда. Ц. 3 р. 50 к.

«Дом занимательной науки» — комплект брошюр (состоит из 13—15 брошюр: по астрономии, физике, математике, географии и др.). Ц. 10—12 р.

«Красная Армия» — игрушки-самоделки. Альбом вырезывания и склеивания для ребят 7—12 лет. Ц. 2 р. 75 к.

ФЕРМАН. История новой западноевропейской музыки. Т. I. 1940 год. Ц. 13 р. 50 к.

«М-1» — легковой автомобиль. Серия учебно-наглядных таблиц (на 11 картах). Сост. Карякин и Кичеев, под ред. проф. Чудакова. Ц. 15 р.

То же с дорожными знаками. Ц. 17 р.

«Л-300» — мотоцикл. Серия учебно-наглядных таблиц (на 5 картах). Ц. 12 р.

ГАРФУНКЕЛЬ и ЯКОБСОН. Организация ремонта оборудования на металлообрабатывающих предприятиях. 1940 г. Ц. 16 р.

Краткий очерк военной истории нашей родины с XVII века. Ц. 10 р.

Денег вперед не высылать. Пересылка и упаковка за счет покупателя.

Заказы учреждениям и организациям не выполняются.

Ленинград, 182-е почтовое отделение, книжный магазин «ЛЕНКУЛЬТТОРГ».

Фабрика „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ"

ВЫПУСТИЛА НОВЫЙ ПРЕПАРАТ

Крем «ЮНО»,

ИЗГОТОВЛЕННЫЙ НА ОБЛУЧЕННОМ ЛАНОЛИНЕ и ОБЛАДАЮЩИЙ СВОЙСТВАМИ ЖИДКОСТИ „ЛОСЬОН-ЮНО".

Крем «ЮНО» применяется также в качестве ночного жирного крема для питания кожи и при чрезмерной сухости ее вследствие частого мытья мылом (например у медперсонала, домохозяек и пр.).

Крем «ЮНО» оказывает благотворное влияние при дряблости кожи, на открытые поры и при экземе (особенно сухой). Действие его на кожу сказывается через 30—40 минут после первого применения в усиленном приливе крови к коже, придавая ей мягкость, бархатистость и повышенную упругость.

Крем «ЮНО» имеет приятный запах, быстро всасывается и успешно применяется при жирной и особенно сухой коже.

Крем «ЮНО» быстро освежает и успокаивает раздражение кожи после бритья.

Крем «ЮНО» применяется очень просто. Способ употребления приложен к каждой коробке.

●

В ПРОДАЖЕ ИМЕЕТСЯ ТАКЖЕ ЖИДКОСТЬ

«ЛОСЬОН-ЮНО»,

незаменимое средство для ухода за кожей, содержащее активизированный ультрафиолетовыми пучами ланолин.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ.

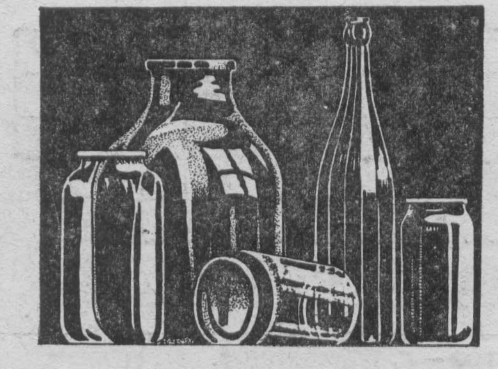
МОСКВА, 133, Калужская застава, «МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ».

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР ГЛАВКОНСЕРВ

ВОЗВРАЩАЙТЕ

СТЕКЛЯННЫЕ БАНКИ, БУТЫЛКИ и БАЛЛОНЫ

из-под КОНСЕРВОВ, МАРИНАДОВ, ВАРЕНЬЯ, СОКОВ, СОУСОВ И ДР. ПРОДУКЦИИ ЗАВОДОВ **ГЛАВКОНСЕРВА**

●

ПОСУДУ ПРИНИМАЮТ:

МАГАЗИНЫ И ЛАРЬКИ ГЛАВКОНСЕРВА

и пр. сеть, торгующая консервами.

●

ОПЛАТА ПО УСТАНОВЛЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЦЕНАМ

от 50 коп. до 6 руб. 60 коп.

●

Принимается посуда неповрежденная и чисто вымытая.

25.000 рублей
вы можете выиграть
по государственному займу 1938 года
СССР
Государственный внутренний выигрышный заем 1938 года
Облигация на сумму
ДВЕСТИ РУБЛЕЙ
ЕЖЕГОДНО по займу проводится
6 ТИРАЖЕЙ ВЫИГРЫШЕЙ
В КАЖДОМ ТИРАЖЕ РАЗЫГРЫВАЕТСЯ:
12 выигрышей по 25.000 рублей
60 выигрышей по 10.000 рублей
360 выигрышей по 5.000 рублей
3.600 выигрышей по 1.000 рублей
13.008 выигрышей по 400 рублей
ВСЕГО 17.040 выигрышей на сумму
11.503.200 рублей
ОЧЕРЕДНОЙ 14-й ТИРАЖ ВЫИГРЫШЕЙ СОСТОИТСЯ
11 октября 1940 года в гор. Свердловске
ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА СВОБОДНО ПРОДАЮТСЯ
и ПОКУПАЮТСЯ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАССАХ.
Приобретайте облигации
ЗАЙМА 1938 ГОДА
СЛЕДИТЕ ЗА ТИРАЖАМИ ВЫИГРЫШЕЙ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС и ГОСКРЕДИТА.

Огонек
Цена 50 коп.